

фантастическая
история

Андрей Захаров

Перекресток времен. Новые россы

€ ИЗДАТЕЛЬСТВО АЛЬФА-КНИГА

Андрей Н. Захаров
Перекрёсток времён. Новые россы
Серия «Перекрёсток времён», книга 1

Текст предоставлен издательством
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3946555
Перекрёсток времён. Новые россы: Альфа-книга; Москва; 2012
ISBN 978-5-9922-1273-0

Аннотация

Никто из наших современников, решивших поехать отдохнуть на берега таинственного озера в Чернобыльской зоне отчуждения, не ожидал, что эта поездка так изменит их дальнейшую судьбу. Природный катаклизм, встреча с бойцами Красной армии, попавшими в окружение под Киевом в 1941 году, и с отрядом белогвардейцев из 1919 года не входила в их планы. Но человек предполагает, а Бог располагает. Кто захотел испытать их, Бог или кто-то другой, собрав всех вместе и забросив в горы Южной Америки, в шестнадцатый век, в эпоху развала империи инков и завоевания ее испанскими конкистадорами, они не знали. Но испытания, выпавшие на их долю, заставили всех объединиться и начать новую жизнь.

Содержание

Глава 1	4
Глава 2	19
Глава 3	56
Глава 4	64
Конец ознакомительного фрагмента.	67

Андрей Захаров

Перекресток времен. Новые россы

Автор не отвечает за достоверность изложенного и просит извинить его за случайные совпадения или несовпадения, ведь это же фантастика, выдумка...

Мещане поспешно скроются под скорлупу столь привычного им мира, когда столкнутся с мыслью о том, что наше прошлое, возможно, куда более таинственно и волнующе, чем наше будущее.
Эрик фон Деникен

Глава 1

*Когда бы ты воображала
Неволю душевных городов!
Там люди в кучах, за оградой,
Не дышат утренней прохладой,
Ни вешним запахом лугов;
Любви стыдятся, мысли гонят,
Торгуют волею своей,
Главы пред идолами клонят
И просят денег да цепей...*
Александр Пушкин

Услышав звук открываемой входной двери, Макс оторвался от монитора компьютера:

- Батя, это ты?
- Да, Макс, я. Лариса не заходила?
- Даже не звонила. Она тебя беспокоит только тогда, когда ей нужно «для здоровья» или деньги.
- Ну ты неправ, брат. Может быть, у нее ко мне настоящее чувство и она хочет за меня замуж.
- Может быть... «Жираф большой, ему видней»...
- Макс, не хами.
- Слушаюсь, товарищ подполковник. Бать, ты есть будешь?
- Пока нет. Сейчас Олег Уваров подъедет, вместе и перекусим.
- А он что, в Киев приехал? Опять отмечать «встречу на Эльбе» будете?
- Позвонил час назад, сказал, что в Киеве по делам фирмы. А как ты догадался? – улыбнулся отец. – Поедем на природу, на рыбалку. Тебе полчаса на сборы. Время пошло!
- Бать, да ты че? Я не могу!
- А чем ты занимаешься? Опять «стрелялки» по компу гоняешь?
- Да нет. Информацию к курсовой готовлю. Ты ведь знаешь, я будущий архитектор, вот собираю все по сейсмостойкости.
- Так. Ничего не знаю. Сейчас август месяц. До учебы времени вагон и маленькая тележка. Успеешь. А нам с Олегом нужен трезвый водитель. Да и у бабушки Оли давно не был. На природе побываешь, воздухом подышишь, а то засел у компа, забыл, наверное, как живая рыба на тебя смотрит и хвостом дразнится. Так что бросай все. Ноги в руки, и вперед! Форма одежды номер «раз» – трусы и противогаз!

Макс нехотя выключил компьютер и поднялся из-за стола. Приказ командира – закон для подчиненного. С ролью дежурного водителя ему уже приходилось сталкиваться в прошлом году, когда он летом приезжал из Мадрида на каникулы к отцу в Киев.

Вообще-то Макс – Максим Николаевич Антоненко, девятнадцати лет от роду, – своего отца очень любил и дружил с ним по-настоящему, по-мужски, без соплей. Отношения между ними сложились простые, как говорил отец – «солдатские», честные и открытые. Поэтому Макс и называл его не папой, а батей, как его в свое время за глаза называли подчиненные.

Его отец, Антоненко Николай Тимофеевич, возрастом немного за сорок, подполковник Вооруженных сил Украины, бывший командир аэромобильного батальона, ранее проходивший службу в Афганистане командиром разведвзвода парашютно-десантного полка, в настоящий момент был военным пенсионером и работал директором небольшого магазинчика «Охота и рыбалка».

После второго ранения и госпиталя в Афганистан тогда еще старший лейтенант Антоненко не вернулся, а попал служить в Краснознаменный Киевский военный округ. Находясь в отпуске, решил поехать в славный город-герой Киев, людей посмотреть да себя показать. В кафе случайно познакомился с красивой девушкой. Маша была студенткой вуза, училась на преподавателя испанского языка. Молодые люди полюбили друг друга и решили пожениться.

После свадьбы молодожены поехали жить по месту службы Николая. Ютились в офицерском общежитии – «в минимальных условиях, приближенных к казарменным». Перед рождением Максима Маша поехала к родителям в Иванков, где и родила первенца. Назад она уже не вернулась, осталась у родителей.

Когда образовалась независимая Украина, Николая перевели служить поближе к Киеву. Вскоре они получили двухкомнатную квартиру на окраине столицы, что в те времена для военных его уровня считалось верхом удачи. К тому времени Маша уже закончила учебу и устроилась на совместное предприятие с иностранным инвестором. Каждый месяц жена приносила зарплату в два, а то и в три раза больше, чем его офицерское жалованье. Так они жили без особенных изменений до две тысячи четвертого года. Николай продвигался по службе, был назначен на должность командира аэромобильного отдельного батальона, получил звание подполковника. Уже были подготовлены документы на перевод в Министерство обороны Украины и на присвоение очередного звания, как вдруг грянула «оранжевая революция», которая круто изменила все. За то, что подполковник Антоненко держал свой отдельный батальон «в полной боевой готовности» и поддерживал «не того» кандидата в Президенты Украины, ему было «рекомендовано» выйти на пенсию, благо выслуга лет позволяла. Это был удар судьбы. Нормальный здоровый мужик, как говорил Карлсон – «мужчина в полном расцвете сил», и вдруг не у дел. Николай запил.

Жена сначала терпела, затем начались скандалы, в результате которых они не разговаривали неделями. В апреле две тысячи пятого года Маша официально заявила, что уходит от него, так как полюбила другого мужчину. Разошлись. По обоюдному согласию квартира осталась Николаю.

В том же году Мария уехала в Испанию, где вышла замуж за испанского бизнесмена, одного из инвесторов их компании. Теперь она жила в Мадриде вместе с Максимом и Исабель, маленькой дочерью от второго мужа.

Николай бросил пить и вообще решил заняться собой. Стал посещать спортивно-оздоровительный комплекс, со временем снова превратился в крепкого здорового мужчину, но с сединой на висках. Даже молодые женщины стали на него заглядываться. В общем, жизнь начала налаживаться.

Максим уже второй год приезжал к отцу на каникулы. Он учился в Политехническом университете Мадрида на архитектора, увлекался скалолазанием и боевым самбо. За это

время изучил английский и португальский языки. Вторым «родным» – испанским – мама занималась с ним с детства, поэтому при переезде в Испанию проблем с языком он не испытывал.

Он был копией отца. Такой же высокий, светловолосый и голубоглазый. Да и характер такой же боевой. В прошлом году пришлось даже показать все свои боевые качества, привитые отцом. В соседней кафешке пьяные кавказцы пристали к девушкам, так он отметелил двоих и «не жужжал». Как говорил его батя: «В нашем деле главное – вовремя смыться. Виноват не потому, что побил, а потому, что попался». Макс не попался. Нет, вернее, он попал, но не в милицию, а к девчонкам на банкет, в их общежитие. Как тогда пришел домой, не помнил, но был весь в губной помаде и пропах приятными дамскими духами.

Подойдя к шкафу, Макс принялся искать охотничий камуфляж – подарок отца. Быстро одевшись, с удивлением отметил, что форма стала сидеть на нем плотнее. «Расту. Форма украшает настоящего мужчину. И зачем я послушал мать и поступил на архитектурный? Армия – вот моя стезя».

– Бать, а где мои берцы?

– Посмотри на балконе. Да, сходи в гараж, загрузи в джип все для рыбалки с ночевкой. Ключи на тумбе у дверей. А я сейчас оружие и боекомплект подготавливаю. Оружие, как женщина, любит ласку и смазку.

У Николая был охотничий карабин «Тигр», переделанный из самозарядной снайперской винтовки СВД с оптическим прицелом.

Выходя из квартиры, Максим чуть не столкнулся нос к носу с другом отца Олегом Уваровым.

– Здравия желаю, дядя Олег!

– Будь здоров, боярин! Как настроение?

– Готов к труду и обороне!

– Молодца!

С Олегом Васильевичем Уваровым Макс познакомился прошлой зимой. Тогда Уваров тоже был в командировке в Киеве и заехал к своему боевому другу. Ввиду отсутствия благоприятных погодных условий «встреча на Эльбе» проходила в квартире Николая. Уваров Максу понравился. Он был среднего роста, темноволосый, с серыми глазами, которые всегда смотрели на собеседника с хитрецей. Для своего возраста в сорок с хвостиком Олег Васильевич выглядел молодо, был жилистым, подтянутым, без лишнего веса.

Уваров, как и отец, воевал в Афганистане. С Николаем их свел случай. Как-то группа Уварова попала в засаду и по радиации запросила помощи. На выручку вылетел взвод под командой Антоненко. В том бою оба были ранены. Вместе лежали в госпитале, в одной палате, так и подружились. После лечения их пути разошлись. Увиделись они случайно на одной из встреч афганцев. И теперь каждый раз, когда Олег приезжал в Киев, он обязательно заходил к Николаю. В настоящее время Уваров жил в Харькове, работал замдиректора предприятия. Был женат и имел дочь.

– Ну как дела, Олежка? Все вопросы порешал? Али оставил напоследок?

– Да вроде бы все. Думал, за два дня не справлюсь, а тут так подфартило, что все на месте оказались: и представитель покупателя, и посредник из чиновников. Правда, гад, много запросил, но для нас главное – сроки... Ну ладно. Не будем о грустном. А ты Яниса приглашать будешь?

– Грех не пригласить хорошего человека выпить на природе. Тем более что в этом деле он мастер. Не в смысле выпить, а в смысле подготовки всевозможных настоек, но и первое тоже проходит. Да и «док» нам не помешает, мало ли чего...

Сосед Антоненко, Баюлис Янис Людвигович, был закоренелым холостяком, хотя ему уже стукнуло пятьдесят лет. Отец его – литовец, а мать – украинка, но характером он пошел

точно не в спокойного отца-прибалта. Чуть выше среднего роста, немного полноватый, с небольшой лысиной на макушке, Янис Людвигович выглядел моложе своих лет. Работал врачом-хирургом одной из больниц Киева. Врачебная практика у Баюлиса была большая, вся элита общества старалась лечиться у него. Но как говорится, в тихом болоте черти водятся. Имел Янис Людвигович три страсти: любил женщин, выпить немного и трубочку покурить с хорошим табачком. Если с женщинами у него получалось более-менее, то второе – получалось всегда. При этом Баюлис старался не покупать спиртное в магазине, ходил на рынок, постоянно шушукаясь с бабками насчет различных трав и настоек. После таких посещений у него в квартире неизменно появлялись новые бутылки с различными «божественными» напитками. Но все вышеописанное было до того момента, когда он заходил в операционную. Перед каждой операцией Баюлис превращался в другого человека, властного, порой даже жесткого по отношению к коллегам, а тем более к себе.

Николай взял мобильный телефон и набрал знакомый номер.

– Людвигович? Привет. Это Антоненко. Ты сейчас где, можешь говорить? Какие планы на выходные? Есть мысль – побыть дикарями на природе два денька. Как ты, одобрям-с? Нет, без женщин. Одни мужики. Все свои: я, сын да Олег из Харькова подкатил. Вот и вся гоп-компания. Согласен? Вот и чудненько. Только своего зелья прихвати, Олега угостишь. Ну ладно, ладно! Не зелья, а божественного нектара. Все, хоп!

– Ну что, будет?

– Конечно. Ты Яниса плохо знаешь. Для него вырваться из Киева на природу – праздник души и тела, тем более с ночевкой. Уже домой на такси едет. Сколько живет, а своим транспортом не обзавелся. Так. Теперь тебя приодеть надоть. Жалко, мелковат ты, у нас все кольчужки размерчиком-то поболее будут, чем ваша фигура. Ничего, что-нибудь придумаем.

С этими словами Антоненко-старший подошел к шкафу и, окинув взглядом всю имеющуюся там форму, с сожалением покачал головой:

– Да, брат. Чого нэма, того нэма. Придется в магазин заезжать. Там затаримся.

– Да ладно. Обойдусь как-нибудь.

– Я вам дам «как-нибудь», товарищ военный! Это вам не груши в чужом саду тырить! Это святое – рыбалка!! Форма одежды – залог успеха любого дела. Там же лес, озеро, комары. Да и светиться меньше будешь. Главное для нашего брата – не демаскировать себя, а слиться с местностью, незаметно подобраться к супостату и по темечку его, по темечку... Сам же знаешь, не мне тебя учить. Вспомни былое.

– Да, были времена... Как в поговорке: раньше были времена, а теперь – мгновения, раньше поднимался хрен, а теперь – давление!

– Ладно, Олежка, не прибедайся. Ты любому двадцатилетнему фору дашь.

– Лучше бы двадцатилетней, и не фору, а что получше!

– Эка, брат, вас понесло! Меня терзают смутные сомнения! Не изменяете ли вы жене своей?

– Что ты, окстись, богохульник! Жена – это святое! Но всякое бывает в этой жизни. Кто не без греха! Поэтому и в церковь иногда захожу. Ха-ха! Да ты не на рыбалку, а на войну собираешься!

– Что рыбалка, что война. Меня уже не переделаешь. Старый пенек. Привычка – вторая натура.

Так, весело переговариваясь и подшучивая друг над другом, они начали готовить вещи, необходимые для рыбалки с ночевкой. Антоненко собрал карабин, надев на него чехол, достал свой любимый старый надежный рюкзак десантника, положил в него патроны, магазины к карабину и пару боевых ножей.

Пока отцы-командиры осуществляли сборы в квартире, Макс отправился к гаражу. В гараже стоял личный батин джип. Нет, не крутая иномарка, при виде которого гаишники

чуть ли не честь отдают, а наш, настоящий – военный. Командирский родной УАЗ, полноприводный, с мягким тентовым верхом и задним откидным бортом, с лебедкой под передним бампером.

Когда Антоненко-старшего провожали на пенсию, то подчиненные и друзья сделали ему такой подарок. На этом УАЗе Николай не раз выезжал на полигон и в снег, и в дождь. Машина проходила там, где какой-нибудь «иностранец» такого же класса уже давно бы «засел» или поломался. Эта машина – память о службе. Николай ласково называл его «мой Бобик», автомобиль отвечал той же верностью, что и преданная хозяину собака, пусть и дворняга. Слушался во всем, был легок в управлении и неприхотлив. Короче, истинно наш народный джип.

Загрузив в узик все необходимое, Макс подогнал машину к подъезду. Поздоровавшись с бабушками-соседками, вечно сидящими на скамейке и контролирующими всю жизнь дома, помахивая ключами, поднялся на этаж и на площадке увидел дядю Яниса, заходящего в свою квартиру.

– Добрый день, Янис Людвигович! Вы с нами?

– Здравствуйте, юноша! А куда вы без меня с подводной лодки денетесь. Кто твоего отца сначала поить, а потом лечить будет. Скажи, что я сейчас буду. Возьму только все необходимое. Место в багажнике, надеюсь, найдется?

– А как же, дядя Янис. Без вас мы никуда. Машина у подъезда. Заходите, я дверь закрывать не буду.

Дома Макс отрапортовал:

– Разрешите доложить, товарищ подполковник. Автомобиль укомплектован и подан к подъезду. Осталось бензином заправить, а то четверть бака только. Видел дядю Яниса, он уже у себя, сейчас к нам придет.

– Вольно, боец Антоненко. Бушлаты взял? А то ночью уже прохладно.

– Да. Но там только три... И лодку с сетью тоже прихватил.

– Ничего, у Яниса своя куртка теплая есть. Пошли на кухню, червячка на дорожку заморим.

Пока они возились на кухне, пришел Баюлис. На правом плече у доктора висела средних размеров сумка-чемоданчик с красным крестом в белом кругу. Левую руку он держал за спиной, видно, что-то прятал.

– Здравствуйте, господа-товарищи!

– Добрый день, господин народный врачеватель! Как сегодня, много людей порезали или кто сбежать от вас успел?

– Ну и шуточки, Николай! Во-первых, я не режу, а делаю операции, кстати, во благо самих больных. А во-вторых, если вы не прекратите так шутить, я обижусь и не дам попробовать мое новое творение, рецепт которого мне по секрету сообщила незабвенная Клавдия Михайловна, торговка лечебной травкой с нашего рынка. Ну просто, как говорит нынешняя молодежь, не напиток, а отпад, вкус специфический... После него, кстати, наутро ничего не болит в отличие от магазинных подделок.

– А много ли у вас этого божественного напитка?

– Ну на наши скромные посиделки я прихватил всего ничего... Так, маленькую баночку... литров на...

При этом Янис Людвигович с удовольствием на лице представил на обозрение пятилитровую пластиковую канистру.

– Ну! Вы наш спаситель! А то мы с Олегом уже подумали, что опять казенкой травиться будем. Беру свои нехорошие слова про «резать» обратно и дико извиняюсь. А сейчас приглашаю всех к столу отведать прекрасный напиток и закусить чем бог послал из холодильника. Так, Макс, ты сегодня за рулем, сам понимаешь.

Николай, взяв у Баюлиса канистру, быстро разлил по чашкам жидкость. По кухне прошелся незабываемый аромат, включивший в себя запах трав Киевской области.

– Ну, за рыбалку!

– Пейте не сразу, почувствуйте, какой запах...

Выпив по чашечке, каждый крякнул: лепота... одобрямс... есчо хочу...

– Все. Боец Антоненко, время «Ч»?

– Семнадцать часов, девять минут... августа две тысячи... года. Все готово, герр комендант, можем приступать к выполнению задания.

– Так. Сначала едем ко мне в магазин, затем на заправку и в Иванков к теще. Проверить всем документы: мало ли что – в Зону едем. Макс, не забудь свои права. Все! По коням!

– Яволь, герр штандартенфюрер!

Собрав приготовленные вещи, все веселой гурьбой вышли из квартиры.

На магазин ушло не больше пятнадцати минут. Быстро подобрали Олегу охотничий камуфляжный костюм и соответствующие высокие ботинки. От шляпы или кепи он отказался, взяв себе бандану защитного цвета. Зато всем остальным и себе в том числе Николай надел на голову по пятнистой зеленой панаме. Свою одежду Олег сложил в пакет, который решили оставить в Иванкове у тещи Николая. Все это, вопреки протестам Олега, Николай записал на свой счет. Затем заехали в продуктовый супермаркет, где купили нужные для ухи продукты, приправы и два каравай ржаного хлеба. Николай также прихватил литровую бутылку водки популярной фирмы, палку колбасы, сыра и другие деликатесы. На удивленный вопрос Олега: «Для чего это, ведь у нас свое есть?» – Николай ответил: «Для ребят на посту, чтобы нас пропустили». После магазина заехали на заправку, заправили полный бак бензина и взяли курс на Иванков через Дымер.

В Иванков въехали уже около восьми часов вечера.

Как только Макс вышел из автомобиля, сразу же попал в нежные объятия родной бабушки. Она поцеловала его в губы и в обе щеки, погладила по рукам и спине, в общем, совершила ту процедуру, которой подвержены абсолютно все бабушки при встрече долгожданного и любимого внука. При этом бывшая теща не забыла поцеловать Николая, а заодно и Яниса, давно ей знакомого. Николай представил Олега как своего боевого товарища, сообщил цель их прибытия, и они вместе зашли в дом.

На следующее утро, позавтракав, компания еще раз проверила амуницию, необходимые принадлежности для отдыха и рыбалки. На прощание расцеловавшись с Ольгой Ивановной, пообещав ей заехать на обратном пути, они расселись по своим местам в машине и выехали со двора в сторону села Дитятки.

Не успел узик подъехать к шлагбауму, как из здания поста вышел милиционер с погонами капитана, на левом плече у него висел автомат АКСУ, а справа на поясе была кобура с пистолетом. Увидев его, Николай вылез из машины, и, подойдя друг к другу, мужчины обнялись как старые знакомые, между которыми были действительно дружеские отношения. Антоненко-старший, обернувшись к автомобилю, махнул рукой, приглашая всех выйти.

– Вот, Олег, познакомься. Это Сергей Владимирович Коваленок, начальник КПП «Дитятки». Это мой афганский друг – Олег Васильевич Уваров из Харькова. Ну Макса ты с рождения знаешь и с Янисом Людвиговичем тоже знаком.

Мужчины крепко пожали друг другу руки. Также Коваленок ответил на рукопожатие Максима и Баюлиса.

– Зачем же так официально, Николай Тимофеевич? Сразу же и начальник! Можно просто – Сергей!

– Это когда мы с тобой за столом белый чай из рюмок пить будем, тогда можно и Сергей! А сейчас ты при исполнении, слуга государев, тому и по чину величать треба!

– Ну хорошо, уговорили. Прошу всех пройти на пост, зарегистрироваться надо и пропуска временные выписать. Документы при всех есть?

– Обижаешь, начальник! Сюда, да и без документов... Знаемо порядок, не впервой замуж бегаем.

Из здания поста вышел еще один молодой милиционер, но уже с погонами прапорщика.

– Здравия желаю, Николай Тимофеевич!

– Здравствуй, Толя! Как жизнь молодая, еще не женился?

– Да нет, рановато пока. Хочется погулять маленько.

– Смотри, хватит уже девок портить, а то все раньше времени замуж повыскакивают, тебе и не достанется.

– Ничего, этого добра на мой век хватит.

– Толя, посмотри пока тут, а мы регистрируемся.

– Все хок'кей, босс.

Войдя внутрь, они отдали свои документы капитану милиции. В соседней комнате на кровати спал еще один милиционер, но полностью его разглядеть не удалось. Видно, спал крепко, так как на шум никак не среагировал.

– Так, Николай Тимофеевич, запишем всех вас как экологов. У нас они на прошлой неделе как раз ездили в тот район на Ведьмин кут. Все данные для этого имеются. Мы меняемся в девять часов, так что я ребятам скажу о вас. Меня меняет Саша Поздняк, да вы его знаете, мой кум, сына моего крестил, вы на крестинах вместе с ним пили и песни десантные пели. Когда домой собираетесь?

– Знаю Сашка. Парень – настоящий десантник. Домой поедем завтра с утра, ну, может быть, до обеда. Вон Олегу вечером на поезд надо, да и к Ольге Ивановне заскочить обещали. Хорошо, регистрируй нас экологами, будем за флорой и фауной Зоны наблюдать. Ха-ха!

– А это что у вас, Олег Васильевич, за удостоверение такое: «...Капитан государственной безопасности Уваров Олег Васильевич... состоит на должности оперуполномоченного особой группы при наркоме внутренних дел СССР... подписал первый зам. народного комиссара внутренних дел СССР В. Н. Меркулов...» Ваша фотография в старой форме с тремя шпалами в петлице и без погон... «Действительно по девятое мая сорок пятого года...» Нехило! Что за шутка такая?

– Вот черт! Из портмоне выложил, а оно в паспорт попало. Да то у нас на предприятии ребята-компьютерщики прикалывались, понакачивали из Интернета информации, в фотошопе мое фото смонтировали и наделали, шутки ради, всем работникам такие удостоверения. У нас в Харькове такие ксивы на любом углу продают. Мне вот это сделали, а директору вообще – наркома промышленности и вооружения СССР. Вот оглоеды...

– А как настоящее, с мокрой печатью, подписями и все такое... А звание капитан госбезопасности как к армейскому приравнивается?

– Ну если сравнивать, к примеру, с сорок первым годом, то это армейский подполковник. Я уже плохо помню, читал когда-то про войну книжки, вот и запомнил.

– Слава богу, что сейчас не война... Ну что ж, Николай Тимофеевич, все готово. Можете ехать отдыхать. Да, вот тут экологи какой-то свой прибор забыли. Вы его возьмите на всякий случай, вдруг какой дурак из верхов с проверкой приедет. Сделаете вид, что действительно проверяете экологию. Мало ли что. Желаю хорошо отдохнуть, дорогу знаете.

– Знаем, Сережа, спасибо. Макс, сбегай в машину, принеси корзинку... Это вам и ребятам-сменщикам от нас.

Снова расселись по своим местам в автомобиле. Дежуривший на улице прапорщик милиции поднял шлагбаум, и машина лихо рванула с места вперед. Отъехав от КПП пару

километров, свернули на проселочную грунтовку, ведущую в густой лесной массив. Далее прокладывали путь уже по малонаезженной лесной тропке.

– Так, Макс! Не забыл еще, где свернуть? Вон видишь большой старый дуб, до него метров десять не доезжаешь, в кустах поворот налево... Так, сюда... Прямо...

Проехали еще около пары сотен метров. Вдруг прямо перед ними из-за плотно стоящих деревьев и кустарника открылось небольшое лесное озеро, по форме напоминающее след человеческой ноги, обутой в сапог или ботинок. Их автомобиль выехал как раз на «каблук». Налево и направо вдоль берегов, на расстоянии не более десяти метров от кромки воды, виднелись небольшие дорожки. Было понятно, что сюда приезжают люди на машинах, правда, нечасто, так как дорожки были не слишком укатанными.

– Теперь еще поворот налево и на наше место... Вот на эту полянку. Все... Приехали... Выходи строиться... Выгружай багаж...

Автомобиль остановился на небольшой поляне, расположенной в паре десятков метров от воды. Отсюда открывались чудесные природные места, еще не испорченные человеком. Вернее, присутствие здесь людей было заметно по плешинам от костров, но не так сильно, как в близлежащих к населенным пунктам посадках и лесках. Все вокруг было зелено от часто стоящих деревьев, из-за листвы и кустарника в пяти метрах уже ничего не было видно. Вода в озере была настолько прозрачной, что можно было разглядеть рыбу, плавающую на глубине. Воздух был чистым, слышался веселый перелив птичьих голосов, успокаивающий шум леса, плеск рыбы в воде... Какая радиация, какой взрыв на атомной станции? Как будто этого и не было. Рай на земле, да и только...

Озеро было примерно около пятисот метров в длину и триста в ширину в самом широком месте. В «носке» озерцо переходило в болотистую местность, это было видно по камышу, плотно растущему в той стороне. От их полянки до противоположного берега было не более ста метров. Деревья росли так плотно друг к другу, что было почти невозможно разглядеть того, кто находился на том берегу.

– Коль! Посмотри, какая красотища-то! Лепота! Ущипни меня, не сон ли это? Это кругом так?

– Да нет, не кругом. Примерно на расстоянии триста метров от берега по периметру озера. А дальше без такой плотности обычный лес.

– А почему называется Ведьмин кут?

– Понимаешь, Олежка. Я ведь не местный, толком мало что знаю. Мне это место покойный тесть показал. Рыбалка здесь больно хороша. Все водится, и в больших размерах. Вода чистая прямо как слеза, хотя и не проточная. Пить можно, и живот болеть не будет. Озеро хоть небольшое, но глубокое. Родники со дна бьют. Но купаться не рекомендую. Вода уж больно холодна, даже в жару. Тесть у меня ведь местный, из Дитяток. Да и известным краеведом в районе был. Рассказывал, легенда есть, что в старину на месте этого озера было языческое капище, наши пращуры богам разным молились. Потом за что-то боги прогневались и наказали людей, ударили молниями, и на месте капища образовалось озеро. А идолы богов ушли на дно. Там, говорят, до сих пор есть какие-то сооружения, но толком их никто не видел, так как все заросло. А Ведьминым кутом этот участок леса с озером называется потому, что он не такой, как все вокруг. Сам, наверное, заметил, когда подъезжали сюда. Деревья не такие, хотя породы вроде бы одинаковые, но все равно разница в глаза бросается. Здесь более крупные, да и кусты больше. Почва немного другая, смотри, какая трава... Ты такую траву в другом месте видел? И что интересно, на картах разных времен озеро то есть, то его нет. Видел я фотоснимок этого района, сделанный из космоса, а озера-то на нем и нет! Есть только темное пятно, выделяющееся на общем фоне зеленого леса. Карта картой, но озеро-то есть! Вот оно! Правда, старики говорили, что иногда здесь совершаются чудеса непонятные. Бывали года, что озеро заболачивалось и исчезало. Видишь остатки болота на

той стороне? Бывало и такое, что невозможно было к воде подойти, так серой воняло. Люди иногда здесь пропадали. Вон в Гражданскую войну, в девятнадцатом году, говорят, тут целый отряд белогвардейцев пропал. В лес зашли, а обратно не вышли. Дорога лесная, по которой мы сюда приехали, ведь напрямую к Чернобылю идет, где мост через реку Припять. Все это якобы ведьма ворожит, которая утопла здесь еще с незапамятных времен, со Средних веков, что ли, правда, ее никто никогда не видел и имени не знает. Поэтому и называли этот угол Ведьминым кутом. В восемьдесят шестом году, как раз перед аварией на атомной станции, два местных мужика, алкашики, сюда на рыбалку пришли с ночевкой. Так на следующее утро их еле нашли, оба умом тронулись, прожили потом пару месяцев и в ящик сыграли один за другим. Все твердили, что с НЛЮ встретились и их чуть не забрали на небо. Вот местные и боятся сюда приходить. Не боятся только дураки и экстремалы. Вот как мы. Ладно, давай палатку ставить. Людвигович! Возьми топор, наруби, пожалуйста, веток для костра. А ты, Макс, поставь машину под деревья, в кусты, и замаскируй, чтобы с вертушки не было видно, а то действительно какой-нибудь начальник с проверкой пролетит, – командовал Николай.

Как положено, всякий отдых, а тем более рыбалка с ночевкой должны начинаться с организации быта.

– Палатку будем ставить как в прошлый раз. Подальше от берега. А то комары, ночью у воды прохладно, да и чтобы в темноте в воду не сигануть. Понесли ее, Олег, в ту сторону, видишь, вон плешина от нашего прошлогоднего костра осталась.

– А зверье здесь водится?

– А как же. Всего полно, ведь места эти теперь дикими считаются. Есть и хищники, опасные для человека: рысь, волк, бывает, что медведь иногда заходит, но его мало кто видел. Змей хватает, так что под ноги смотри внимательнее. Но хуже зверья эти придурки – сталкеры, нелегальный сброд. В Зоне таких достаточно: охотники за металлом и стройматериалом, грибники, браконьеры, беглые уголовники, иногда «новые украинцы» да чиновничье разное крутое оттопырится сюда приезжают. Зверь спасается от человека бегством, если же он и бросается, то только тогда, когда его преследуют. Другое дело – человек. В таком лесу один Бог свидетель, и потому человек, завидевший другого, прежде всего должен спрятаться и приготовить ружьишко. Вот такие здесь, брат, дела. Так что эсвэдэшка нам не помешает.

Когда все было готово и весело начал разгораться небольшой костерок, Николай открыл тормозок, переданный любимой тещей, и предложил выпить за удачное начало «встречи друзей на Эльбе». Все как будто бы ждали команду, засуетились, принялись быстро накрывать импровизированный стол. Когда закуска была готова, Баюлис торжественным жестом извлек свою канистру с «божественным напитком»:

– А тара где? Куда наливать-то?

– О, Санта Мария! Забыл достать из котелков кружки. Уно момент! – извинился Макс. Наконец наступил торжественный момент.

– Ну, за встречу друзей и за рыбалку!

– За культурный отдых на природе!

– Будьмо!

Выпили, закусили. И жизнь хороша, и жить хорошо, а у нас и того лучше...

Николай достал ножи и протянул один Уварову:

– На, Олежка. Когда первую рыбку поймает, наша с тобой привилегия ее почистить.

А Янис будет уху варить. Правильно я говорю, Людвигович?

– Да. Я с детства рыбу чистить не люблю, но уху готовить умею.

– Все. Олег, берем удочки, снаряжаемся за рыбой. Макс, где черви? Да, пока мы будем рыбачить, заряди-ка ты карабин. Мало ли что.

Уваров повесил ножны на пояс, затем лихо выхватил нож и сделал им несколько быстрых движений, имитируя ножевой бой. Вдруг остановился. Усмехнувшись, о чем-то подумал и вернул нож в ножны.

Наладив удочки, друзья разобрали костюмы химзащиты, надели прорезиненные штаны с сапогами и пошли рыбачить.

Ловись, рыбака, большая, маленькая. Побольше и почаще!

Пока рыбаки, стоя по колено в воде, ловили рыбу, Баюлис установил над костром треногу и водрузил на нее котел с водой. Затем пошел в лес собирать сухие ветки для костра. Макс также не остался без работы. Достал из машины карабин, из РД пачку патронов, набил ими оба магазина, вставив один в карабин, предварительно, как учил отец, постучав по нему ребром ладони, чтобы патроны встали на свои места и не было перекоса. Карабин положил в палатку, прикрыв его одеялом. После чего отправился в лес помогать дяде Янису.

Не прошло и получаса, как в ведре уже плескалось несколько рыбин. Николай предложил Олегу выйти на берег и разделать улов для ухи, что и было сделано. После чистки рыбы еще раз выпили за первый удачный улов. Костер уже пылал вовсю, вода в котле начала закипать, так что рыба была приготовлена вовремя. По указанию отца Макс достал из машины ножной насос и лодку. Все стали по очереди ее накачивать. (Ну и чтобы Макс не было так обидно, а то все он да он, как самый молодой боец. У нас дедовщины нет. Ну почти нет.) От физических упражнений для ног был освобожден только Баюлис, колдующий над ухой.

– Ну-с, господа-товарищи, уха готова. Бери ложку, бери хлеб, собирайся на обед!

Быстро разлив содержимое котла по котелкам, сказав тост за умение повара варить уху и выпив, проголодавшаяся компания принялась работать ложками.

Был полдень. Солнце стояло высоко, ласково прогревая до последней косточки. По закону Архимеда, после вкусного обеда полагалось поспать. Что и было исполнено. Максим немного устал за сегодняшний день: рано встал и не выспался. Он решил расположиться в палатке.

Отцы-командиры и Баюлис остались у костра, рассказывая друг другу анекдоты и периодически маленькими глотками попивая напиток из солдатских кружек. Всю жизнь бы так отдыхать, и зачем нам эти Канары!

Вокруг была тишина. Блаженство спать на природе, на свежем воздухе, когда ничего не мешает, а наоборот, лесной шелест убаюкивает...

Проснулся Макс от непонятного шума. Вернее, звук-то был знакомый, но спросонья он не сразу это понял. Встряхнув головой, чтобы быстрее прогнать сон, Макс прислушался. Ах вот что это такое! Рядом тихо работал двигатель автомобиля. «Это что, батя собрался куда-то без меня ехать? Да нет. Движок-то не наш, не уазовский работает. Что-то тут не так». Максим осторожно раздвинул края палатки. Недалеко от костра стоял большой темно-вишневый «форд-пикап». Водительское стекло было приопущено, за рулем сидел мужчина с короткой прической. Ближе к берегу припарковался второй джип – серый «лексус», все двери которого были открыты, за рулем также находился водитель. Между костром и берегом прохаживались трое неизвестных Максиму мужчин средних лет, одетых для отдыха на природе. Один из них был без куртки, что позволяло видеть плечевую кобуру с пистолетом. Баюлис с напряженным лицом стоял у костра с топором в руках. Незнакомцы старались держаться от него на расстоянии. Кинув взгляд в сторону озера, Макс увидел лодку, находящуюся почти на середине. Отец сидел спиной и быстро работал веслами. С каждым его гребком лодка приближалась чуть ли не на два метра к берегу. Сидящий напротив него Уваров был спокоен, он бросал отцу короткие фразы.

«Дело пахнет керосином», – подумал Макс и решил достать карабин.

Как только лодка коснулась берега, один из мужчин, с пухлым холеным лицом и небольшим брюшком, крикнул приказным тоном:

– Эй, мужики! А ну валите отсюда, это наше место. Мы сегодня с друзьями здесь отдыхать будем. И уберите своего придурка с топором. А то пулю в лоб, а тело в воду. Не испытывайте мое терпение.

– А ты это место купил, что ли? Мы сюда первыми приехали и никуда не уедем. Мы – экологи, природу здесь изучаем.

– Да ты еще борзеешь, козел! Ну все, ты попал, выходи на берег! Сейчас в жмура сыграешь!

Максим увидел, как вооруженный чужак выхватил из кобуры пистолет и навел его на отца. «Все, медлить нельзя. Как учил батя, напор и наглость – вот составляющие победы в бою», – подумал Макс и подтянул к себе эсвэдэшку. Он выскочил из палатки, заняв позицию, при которой ему хорошо было видно всех присутствующих на поляне, резко передернул затвор, направив карабин на незнакомцев, и крикнул:

– А ну, сука, бросай ствол, а то сейчас сам жмуром станешь!

На звук клацнувшего затвора, а особенно на угрожающие слова все головы повернулись в сторону Максима.

– Ты шо, пацан, оборзел? А ну брось берданку, а то сейчас штаны спущу и по заднице.

Макс понял: если сейчас он не сделает что-то такое неординарное, что заставит незваных гостей понять серьезность его намерений, то отцу с Уваровым потом несдобровать. И он решился. Подняв ствол карабина немного выше голов чужаков, Макс нажал на спусковой крючок. Грохнул выстрел. Пулей перебило ветку на дереве, под которым стоял «лексус», и она упала на капот.

– Э, паря! Ты это чего... Пошутили мы... Успокойся...

– Ствол – в сторону, морду – в землю, считаю до трех и начинаю мочить всех. Раз... Два...

Незнакомец начал медленно опускаться на землю, отбросив пистолет в сторону, но недалеко от себя. Двое других стояли как замороженные. У одного из них, худощавого рыжеволосого мужчины, началась икота.

Отец с Уваровым вышли на берег и приблизились.

В этот момент из кабины «форда» раздался женский крик:

– Ой, мамочки!

Крик отвлек Максима. Он дернул головой в сторону машины. Воспользовавшись этим, бывший вооруженный попытался дотянуться до пистолета, но на него уже прыгнул Николай, прижав телом к земле и одновременно приставив нож к горлу: «Дернешься – зарежу!» Холеному также не повезло. Уваров, оказавшись за спиной, опрокинул его на траву, приставив нож к шее.

– Товарищ подполковник, стойте. Николай Тимофеевич, не надо! – Из пикапа выскочил водитель и поднял руки. – Это я, Нечипоренко Алексей, командиром второй роты у вас в батальоне был. Мы нормальные. Не блатные. Отпустите их... Пожалуйста.

Антоненко-старший, взглянув на говорившего, хватку не освободил. Его нож по-прежнему был прижат к шее незнакомца.

– Лешка, ты, что ли? Что здесь делаешь и что за пташки с тобой?

– Я, Николай Тимофеевич, я. Отдохнуть в Зону приехали. Тот, что под вами, мой шеф – Кожемяка Павел Сергеевич, начальник охраны. Кого ваш друг держит – босс – Слащенко Игорь Леонидович, хозяин нашей туристической фирмы.

– А этот рыжий доходяга, что икает?

– Это Питер ван Лайден, голландец, компаньон нашего босса по бизнесу. Он по-русски плохо понимает. Мы его сюда на экскурсию привезли, очень уж хотел на Чернобыльскую зону посмотреть.

– Ладно, быть добру. Покажем ему наше радушие и гостеприимство!

Николай, убрав нож, поднял пистолет и встал с Кожемяки, протянув ему руку:

– Ну что, горе-вояка, давай помогу подняться. Извини, что помял немного, но пистолет я на всякий случай разряжу. – При этом он ловко вынул обойму из рукоятки и передернул затвор. – Макс, опусти карабин. Мир у нас.

– И вы меня извините, товарищ подполковник, за козла. Я ведь не знал, кто вы. Мне раньше о вас Алексей много рассказывал. Уважаю. Разрешите представиться, капитан запаса Павел Кожемяка, морская пехота, Черноморский флот. Ну и хватка у вас. Все кости болят.

– Ничего, проехали. Олег, помоги своему клиенту, а то он еле дышит. А ты, Янис, посмотри голландца, как бы у него крыша не поехала, испужался он больно. Видишь, как икалка напала.

Из «лексуса» вышел пожилой водитель. В руках он держал пластиковую бутылку с водой. Мужчина достал из кармана таблетки и протянул их Слащенко, затем подал бутылку:

– Сердце у него, нервничать нельзя. А тут такое... Емельяненко я, Николай Яковлевич. Тоже на фирме работаю. Водителем. Из этих мест родом. А вы случайно не зять Петра Ефимовича, учителя нашего? Видел я вас как-то вдвоем. Его-то детей, Валентина и Машу, я с детства знаю. Мы с Ефимовичем раньше на одной улице жили, а затем он в Иванков переехал. Только на кладбище у наших родителей и встречались раз в году. Это голландец нас упросил в Зону поехать, узнав, что я местный. Экзотики ему захотелось, дома похвастаться, что в самом Чернобыле был. Вот наш босс и решил его сюда привезти, заодно и отметить встречу на природе, будь она неладна... Отметили, называется, трошки не обделались.

– А-а... Я вас тоже вспомнил. Действительно, как-то вместе поминали на кладбище. Ну здравствуйте, Николай Яковлевич. А как вы через КПП проехали?

– Так я же местный. Много разных партизанских троп знаю. Мы в обход и проехали.

Баюлис, подойдя к голландцу, с улыбкой на лице предложил ему выпить из кружки, которую заботливо придерживал двумя руками. В это время из пикапа выскочили две девушки, на вид немного старше двадцати лет. Обе были среднего роста. Одна – немного полноватая блондинка с длинными, чуть ли не до пояса, волосами, другая – стройная брюнетка с короткой прической. Одеты девушки были соблазнительно – в яркие футболки с голыми животиками и обтягивающие короткие джинсики, обуты в легкие кроссовки. Толкая друг друга, они бросились к Слащенко, при этом каждая зыркнула на Уварова ненавидящим взглядом:

– Как вы, Игорь Леонидович? Как сердце? Успокойтесь, пожалуйста! Все хорошо!

Голландец уже немного пришел в себя и сделал несколько больших глотков из заботливо подставленной Баюлисом солдатской кружки. Резко прекратив икать, ван Лайден широко открыл рот, выпучил глаза и стал энергично махать руками, показывая, что ему надо срочно запить. Емельяненко не растерялся и протянул ему бутылку с водой.

– Чорт возмы...

– Людвигович, ты чего это ему дал, свой настой, что ли?

– Конечно. Клин клином вышибают. Вот видите, человек уже заговорил нормально. Правда, надо небольшими глотками пить, но он же не знал. Ничего. Жить будет. Это я как врач обещаю.

– Ну, тогда надо и боссу тоже дать...

– Не-эт. Не надо. Я уже себя нормально чувствую. Спасибо.

Максим стоял в стороне и в разговоре не участвовал. Пришлым он не доверял. Мало ли что двое знают его отца и деда – это еще ничего не значит. Время меняет людей. Поэтому

он оставался настороже, не выпуская из рук карабин. Опустив ствол в землю, был готов вскинуть его при малейшей опасности. В детстве он часто приезжал на каникулы к отцу в часть, постоянно наблюдал за занятиями десантников и мечтал быть таким же, поэтому впитывал в себя все, что видел и слышал. Как-то раз отец ему сказал, что доверять можно только своей интуиции, все остальные могут обмануть.

Увидев, что Нечипоренко подошел к Кожемяке и они начали шептаться между собой, Макс внутренне насторожился и крепче сжал в руках оружие, осторожно положив палец на спусковой крючок. Краем глаза он увидел, что Уваров также заметил эти движения новых знакомых и потихоньку переместился поближе к ним, считая, что только эти двое могут быть для них опасны.

Но случилось иначе. Кожемяка подошел к Слащенко и сказал ему:

– Игорь Леонидович, ошибка вышла. Есть предложение – извиниться перед людьми и переехать в другое место.

– Игорь Леонидович, на той стороне озера есть еще лучше полянка, и побольше, и покрасивше. Давайте-ка я вас с Питером туда отвезу. Честное слово, никто мешать не будет, – подал голос Емельяненко. – Мы ведь никому о нашей сегодняшней встрече рассказывать не будем, правда, ребята и девчата, а?

Как будто сговорившись, все хором сказали:

– Да-да, не будем!

Слащенко, уже успокоившись, вновь принял начальствующий вид, оглядел присутствующих. Ненадолго остановив свой взгляд на голландце, который уже немного захмелел от выпитого, он медленно, но громко произнес:

– Ну и пошутили вы, мужики! Теперь хватит! Отработали. С заданием справились. Верю! – Затем обратился к голландцу: – Питер, это был спектакль в честь твоего прибытия в Чернобыльскую зону. Познакомься с моими людьми. Как тебе народ? Боевой! С такой охраной нам сам черт не страшен. Алексей! Достань из багажника ребятам выпить и закусить. Пускай погуляют за наше здоровье, а мы поедем на свое настоящее место. Яковлевич, вези!

Все, кому русский язык был знаком с детства, стояли ошарашенные. Баюлис даже рот открыл от изумления. На лице голландца обозначилась блаженная улыбка:

– О, Игор! Какой прекрасный шутка! Я всем скажу в Роттердам, какой хороший экскурсий, экстрим, острый чувства! Ты сделать хороший бизнес сюда! Турист наш к тебе ехать много, ты делать деньги, хороший деньги! У нас скучно, а здесь хорошо! Гут! Спасибо усем! До свидания!

С этими словами голландец повернулся к машине, сделал пару шагов и чуть не упал, если бы его не подхватил Емельяненко и, заботливо обняв, не усадил на заднее сиденье «лексуса». Следом за ними в машину сел и Слащенко.

К Антоненко обратился Кожемяка:

– Извините, Николай Тимофеевич. Наш босс из всего делает бизнес. Такая уж у него натура. Можно пистолет назад? Спасибо. Леша, догоняй нас!

Когда автомобиль с важными гостями начал выезжать с полянки, Нечипоренко подошел к Антоненко:

– Извините, товарищ подполковник. Работа. Подождите минутку, я все из багажника достану.

– Ты что, Алексей, совсем одурел после армии? Чтобы я от этого лощеного кабана подачку взял? Догоняй свое начальство и баб не забудь. Не думал я, что ты таким станешь. А ведь настоящим офицером-десантником был. Ладно, иди. Встретимся когда-нибудь.

Нечипоренко покраснел и опустил голову. Попрошавшись с остальными, он прикрикнул на девчонок, чтобы быстрее садились в машину, захлопнул дверь и направил «форд» вслед за начальством.

Оставшиеся стояли и смотрели вслед удалявшимся машинам.

– Вот это приключение! Оказывается, мы чьи-то люди, на кого-то работаем и еще спектакли ставим! Умереть, не встать! Кому расскажешь, не поверят!

– Хорошо то, что хорошо кончается. Людвигович, наливай! Надо ведь нам отметить нашу победу!

– Одобрям-с! Все – за!

Только теперь Максим заметил, что его немного трясет и на лбу выступил пот, капля с брови потекла в глаз. Смахнув ее, Максим спросил у отца:

– Что делать будем, бать, а?

– А что делать? Наливай да пей! Уже все разрулили. Расслабься и забудь. Молодец. Все правильно сделал. От лица службы объявляю благодарность! Теперь дай сюда карабин, а то ты его так зажал, что еще раз выстрелить можешь.

С этими словами Антоненко-старший взял из рук сына оружие, отстегнул магазин, передернув затвор, вынул патрон из патронника и поставил карабин на предохранитель.

– Вот теперь можно дальше отдыхать.

Подошел Уваров.

– Ну что, Макс! С боевым крещением тебя. Это надо отметить. Первый раз в человека стрелял! Как ощущение? Мандража нет? Вот и славно. Янис Людвигович, налейте первую чару нашему герою, заслужил! Ему успокоиться надо. Да, рыбалка на сегодня закончилась. Уже темнеет.

– Если закончилась рыбалка, значит, будет пьянка! Наливай!

После пережитого, а также от выпитого с разрешения отца «божественного напитка» Баюлиса Максима немного развезло. Отец отвел его в палатку и приказал спать, так как завтра ему снова садиться за руль. А компания из трех героев сегодняшнего дня продолжила банкет у костра, слушая при этом, как на противоположном берегу играет музыка и раздаётся веселый женский смех.

И только большая полная луна, ярко светя на чистом звездном небе, старалась приблизиться к людям и как будто поглотить их...

«Блажен, кто на просторе в укромном уголке не думает о горе с ковшом вина в руке»...

Взрыв... Еще один... Яркая вспышка в глаза... Снова взрыв... Земля заходила ходуном, что-то навалилось сверху, не повернуться... Гул, сильный гул... Снова вспышка и взрыв... «Это что, сон такой? Война, что ли, приснилась? Ни хрена не понял. Что такое? Надо срочно просыпаться. Японский городской! Да я же не сплю!» Максим открыл глаза, но ничего не увидел. Было трудно дышать. Хотел подняться, но что-то держало его, сковывало движение. Снова яркая вспышка и грохот. И эта вонь, ужасная вонь. Сера, что ли?

Макс с трудом перевернулся на живот, поднял голову. «Так, надо сообразить. Где я? Где отец и все остальные? Что кругом происходит?» Гул не ослабевал, а, наоборот, набирал силу, становясь все мощнее и мощнее. Начала болеть голова, сдавило виски, руки и ноги отказывались подчиняться. Снова молния и взрыв... Нет, это не взрыв, это гром...

В проблеске света Максим наконец-то разглядел, что на него упала палатка и он, крутясь, завернулся в нее. Превозмогая головную боль, усилием воли, почти не чувствуя силы в руках и ногах, он сумел выпутаться и выполз на траву. Снова ударила молния, загрохотал гром.

А вон и отец. Катается по земле, руками за голову держится. Уваров стоит на коленях и качается из стороны в сторону, также держась руками за голову. Баюлис лежит неподвижно на земле, глаза его открыты и смотрят в одну точку в небе, у него из носа идет кровь. Что случилось, что происходит?

Вдруг раздался страшный грохот, и вслед за ним ударил свет. Земля начала быстро раскачиваться. Свет был ярко-белым, он искрился. Создавалось ощущение, что это сплошная вспышка от электросварки. Свет бил столбом откуда-то с неба прямо в центр озера. В месте соприкосновения вода бурлила, будто большой гейзер. Вокруг стало светло. Все предметы сделались прозрачными и просвечивали насквозь, как под рентгеновскими лучами. Последнее, что увидел Максим, было тело отца, вернее, скелет, завернутый в оболочку... Дальше – удар... Нестерпимая головная боль, и все... Сознание отключилось.

Глава 2

Я, гражданин Союза Советских Социалистических Республик, вступая в ряды Рабоче-крестьянской Красной армии, принимая присягу и торжественно клянусь быть честным, храбрым, дисциплинированным, бдительным бойцом, строго хранить военную и государственную тайну, беспрекословно выполнять все воинские уставы и приказы командиров, комиссаров и начальников.

Я клянусь добросовестно изучать военное дело, всемерно беречь военное имущество и до последнего дыхания быть преданным своему народу, своей советской Родине и рабоче-крестьянскому правительству.

Я всегда готов по приказу рабоче-крестьянского правительства выступить на защиту моей Родины – Союза Советских Социалистических Республик, и, как воин Рабоче-крестьянской Красной армии, я клянусь защищать ее мужественно, умело, с достоинством и честью, не щадя своей крови и самой жизни для достижения полной победы над врагом.

Если же по злему умыслу я нарушу эту мою торжественную присягу, то пусть меня постигнет суровая кара советского закона, всеобщая ненависть и презрение трудящихся».

Присяга Рабоче-крестьянской Красной армии

Сводка информбюро СССР от... августа одна тысяча девятьсот сорок первого года:

«Войска противника возобновили наступление на Таллин и вышли к его пригородам. Войска противника вышли на рубеж Гомель, Стародуб и создали угрозу флангу и тылу Юго-Западного фронта. Советские войска начали отход за реку Днепр с плацдармов севернее и южнее Киева и у Черкас. Силами семнадцати дивизий и семи бригад противник предпринял штурм Одессы. Советские войска оставили город Чудово...»

«Главкомандование Юго-Западного направления пришло к заключению, что катастрофа, назревшая на правом крыле, уже не может быть предотвращена собственными силами. Для воссоздания сплошного фронта на этом участке необходимы были крупные силы, которые ни Главкомандование направления, ни Ставка выделить не могли. Единственный выход заключался в немедленном отводе войск из киевского выступа с целью создать более плотную оборону на одном из тыловых рубежей.

Двадцать второго августа сорок первого года противник обнаружил отход пятой армии генерал-майора Потапова, а также то, что двадцать седьмой корпус продолжал оставаться на месте, в связи с чем правый фланг этого корпуса обнажился. В разрыв между смежными флангами пятой армии и двадцать седьмого стрелкового корпуса была брошена одиннадцатая танковая дивизия, которая, обойдя открытый фланг корпуса, днем двадцать второго августа устремилась по дороге, идущей вдоль реки Тетерев к Днепру. Выделенный командиром корпуса генералом Артеменко из корпусного резерва семьсот тринадцатый стрелковый полк сто семьдесят первой стрелковой дивизии с одним артдивизионом был смят танками противника, и последняя, продолжая движение на северо-восток, была встречена огнем артбатареи триста пятьдесят седьмого арtpолка в районе Иванкова. Подавив ее, к вечеру двадцать второго августа одиннадцатая танковая дивизия вышла к мосту через реку Тетерев у Богдан. У этого пункта она была задержана отрядом пограничников и одной ротой девяносто шестого стрелкового полка до утра двадцать третьего августа. С утра двадцать третьего августа противник, введя дополнительное число танков, уничтожил этот заслон у Богдан. Двигаясь далее, одиннадцатая танковая дивизия захватила Горностаиполь, а во второй половине

дня двадцать третьего августа вышла к переправе через Днепр у Окунинова. Таким образом, некоторые части пятой армии, не успевшие переправиться на левый берег Днепра, оказались отрезанными от основных сил.

Значительная масса воинов вырвалась из кольца. Часть бойцов и командиров ушла в партизаны, остальные попали в плен или пропали без вести...»

Многие говорят, что тот, кто не отступал с трудными боями летом сорок первого года, тот по-настоящему не видел войны. Конечно, любое отступление – штука неприятная: отступать вообще больно и тяжело. Но одно дело, когда вынужденно отступают обстрелянные, умудренные опытом боев солдаты, которые знают подлинную цену противнику, его сильные и слабые стороны. Такие воины устраивают врагу засады, отступая, контратакуют – в общем, делают все со знанием дела и в соответствии с приобретенным мастерством. И совсем другое дело, когда отступают малоопытные, недостаточно сколоченные части и подразделения. Тут возможны паника и растерянность, нераспорядительность и отсутствие выдержки.

Дивизия, находясь в составе пятой армии, сражалась под Киевом уже более месяца. Месяц таких напряженных боев, в каких ей довелось участвовать, – это, безусловно, целая академия для каждого солдата. Но это был в основном период обороны, контратак, небольших отступлений. И вот теперь сильно потрепанным частям дивизии было приказано организовано отойти за Днепр, на его восточный берег, так как над войсками, оборонявшими Киев, нависла угроза окружения.

Командир стрелкового полка подполковник Климович Алексей Аркадьевич, получив в штабе дивизии исчерпывающий инструктаж о маршруте отхода и промежуточных рубежах обороны, возвращался в полк мрачным. О том, что полк будет отступать в направлении Горностайполь, затем по мосту переправится на левый берег Днепра у Окуниново, он и сам раньше догадывался. Другого маршрута движения у дивизии просто не было. Этот самый оптимальный.

Нет, подполковник Климович Алексей Аркадьевич не был трусом или паникером, он знал, что надо делать, жизнь уже не раз испытывала его. Просто это было очередное испытание на мужество, на умение командира взять на себя ответственность и справиться с поставленной задачей при минимальных потерях. Он был настоящим офицером, еще той, царской закваски.

Прибыв на КП полка, обговорив все необходимые детали предстоящей операции по передислокации полка с новым начальником штаба капитаном Бондаревым и комиссаром полка старшим политруком Фридманом, Климович приказал вызвать к себе командира первого батальона.

– Разрешите, товарищ подполковник. Командир первого батальона старший лейтенант Сластин по вашему приказанию прибыл.

– Заходите, товарищ старший лейтенант, присаживайтесь. Получен приказ командующего армией на отвод армии на восточный берег Днепра. В том числе и нашей дивизии.

– Это как же так, Алексей Аркадьевич, сдаем позиции без боя? Ведь мы же еще можем здесь держаться и немцам дать прикурить. Они уже почти выдохлись. Никаких действий, подтверждающих их наступление, не совершают.

– Это на нашем участке такая обстановка. А на флангах армии сложнее. Противник пробивается с юга к Киеву. Армия может оказаться в котле. Поэтому, чтобы спасти армию от окружения, Главнокомандование приняло решение отвести ее на левый берег Днепра и создать там рубежи обороны.

– Это что, сдаем Киев?

– Нет. Киев будет наш. Просто, как говорили во времена Первой мировой, выравниваем фронт.

– А когда выдвигаемся?

– Приказано сегодня с наступлением темноты нашему полку сняться с позиций и, совершая ночные марши, выдвинуться в район населенного пункта Горностайполь, а затем к переправе через Днепр у Окунинова. Перейдя на тот берег, занять позиции. На передислокацию дается пять суток. Но для твоего батальона, Михаил Сергеевич, отдельный приказ. Сколько в батальоне осталось личного состава?

– Вместе со всеми службами чуть больше роты, сто восемьдесят семь человек, три станковых и пять ручных пулеметов, два противотанковых орудия – сорокапятки, два миномета.

– Передаю под ваше командование еще три полковые пушки и три миномета. Также дополнительно получите и боеприпасы. Батальон будет прикрывать отход полка и всей дивизии.

Климович подсел поближе к комбату-один, немного помолчав, положил ему руку на плечо:

– Сколько вам лет, товарищ старший лейтенант?

– Двадцать четыре, товарищ подполковник. А что?

– На вас, дорогой мой Михаил Сергеевич, возлагается очень ответственная и трудная миссия. Когда немцы узнают, что полк ушел, они всей мощью ударят по вам. Вы должны продержаться минимум сутки. С завтрашнего утра начинайте по немцам плотный огонь, чтобы они думали, что мы собираемся наступать. Беспокойте их огнем весь день. С наступлением темноты покиньте позиции и скорым маршем направляйтесь вслед за полком. Желаю увидеть вас живым на том берегу Днепра. Все.

Климович поднялся и подозвал начальника штаба капитана Бондарева:

– Игорь Саввич, проведите с командиром батальона инструктаж о маршруте отхода и промежуточных рубежах обороны. Сообщите кодовые сигналы для радиосвязи и передайте мой приказ начальнику связи, чтобы в батальон выделили самую лучшую рацию и опытного радиста. Соберите командиров других подразделений и доведите до них приказ командующего армией. Подготовьте соответствующий приказ по полку об отходе. Сегодня ночью выступаем.

Бондарев и Сластин склонились над картой, лежащей на столе, а Алексей Аркадьевич вышел из блиндажа. Он не мог спокойно смотреть на комбата Сластина, в сущности, еще юношу, который и жизни-то толком не видел, но по воле войны из вчерашнего ротного стал командиром батальона. Климович понимал, что оставляет этого мальчишку и весь его батальон на верную смерть. Если противник узнает, что вместо целой дивизии против него стоит один неполный батальон, и начнет наступление, то от батальона никого не останется. Но войны без потерь не бывает. Так его учили еще в кадетском корпусе: лучше потерять малое, чем потерять все.

Лунная летняя ночь. Таинственные леса Припятского края. Что кроется в их дебрях, что ждет впереди?

Андрей оглянулся назад. Не отстало ли второе орудие? Ночью на лесной дороге такая темень, что дальше десятка метров ничего не видно. Нет, идут. Сзади фыркнула лошадь, послышался чей-то кашель и стук металла о металл. Вот уже третью ночь подряд их полк, минуя населенные пункты, идет по лесным дорогам Припятского края, останавливаясь на дневку в близлежащих лесах. Буквально час назад перешли через мост очередной речки, а сколько их уже позади! Но мосты трогать нельзя. Следом за ними будет ускоренным маршем двигаться первый батальон полка, оставленный в качестве заслона на прежних позициях, если, конечно, там еще кто-то жив.

При воспоминании об оставшемся батальоне у Андрея защемило сердце. С этим батальоном остался его лучший друг по училищу, такой же, как и он, командир противотанко-

вого артиллерийского взвода лейтенант Костик Николаенко. Весельчак, балагур и любимец девушек. Как они там воюют, выдержат ли натиск фашистов? Когда после первого ночного марша они остановились на дневку в лесу, Андрей слышал далекую артиллерийскую канонаду. Там погибали его товарищи, давая возможность им выйти живыми из окружения.

Смог бы он оказаться на месте Костики и принять неравный бой, зная, что наверняка погибнет? Да, смог. И сделал бы это не задумываясь, лишь бы побольше уничтожить фашистов. Страх и растерянность первых дней войны уже прошли. Появился тот неоценимый боевой опыт, ради которого пришлось немало пролить своей и чужой крови. Из вчерашнего девятнадцатилетнего юнца за какую-то пару месяцев он превратился в зрелого мужчину – не по возрасту, а по увиденному в жизни. Увидел смерть друзей и врагов, его пытались убить, и он убивал. Один раз даже пришлось участвовать в рукопашном бою, когда на позицию прорвались немецкие пехотинцы. Тогда из его взвода в живых вместе с ним осталось только четверо, но всех прорвавшихся немцев они перебили. В плен никого не брали, даже пришлось добивать их раненых, так как пленных некому было сдавать. Не до того было.

До сих пор перед глазами Андрея стояло перепуганное лицо молодого немца, у которого в автомате закончились патроны и он судорожно пытался заменить магазин на новый, но не успел. Подскочивший Андрей с ходу вонзил штык-нож фашисту прямо в сердце. От полученного удара немец, схватившись руками за плечи Андрея, медленно осел на землю, широко раскрыв рот с белоснежными зубами и смотря недоуменным взглядом в глаза, будто задавал вопрос «за что?». Андрей знал за что. За то, что тот пришел незваным на чужую землю, за то, что убивал невинных людей, за то, что только что застрелил заряжающего его орудия Ибрагимова и самого Андрея хотел лишить жизни. Он враг, а врага надо уничтожать, безжалостно. Таков закон войны: если не ты убьешь, то убьют тебя. Если хочешь выжить, убей первым. Все просто и понятно. Здесь не до философии и соплей. В такие минуты все человеческое отступает, в тебе просыпается зверь, защищающий от врага себя, свою стаю и свою территорию. Но одно дело убивать врагов, а совсем другое – терять товарищей.

Это было две недели назад, когда из штаба дивизии пришел приказ о контрнаступлении. Полк пошел в атаку, даже захватил первую линию обороны противника, но немцы быстро среагировали, перебросив на этот участок артиллерию и танки. Батальон, в котором находился взвод Андрея, еле смог отойти назад и отбиться. Фашисты окружили раненых красноармейцев в какой-то ложбинке, метрах в двухстах. Пробраться к ним на выручку не было возможности. Раненые долго кричали: «Добейте нас, братцы!» Сжав весь гнев и боль в кулак, Андрей приказал выпустить в ту сторону три осколочных снаряда. После этого крики прекратились. Погибли все. И немцы, и наши. Этот крик навсегда останется в памяти, на всю жизнь, если, конечно, он выживет в этой кровавой мясорубке.

Андрей, поправив на плече трофейный автомат, отошел в сторону:

– Второе орудие, подтянись! Левченко, не отставать! Дистанция не более пяти метров!

– Есть, лейтенант. А ну, ребятки, поднажали, днем в лесу отоспимся!

С командиром второго орудия своего взвода, старшим сержантом Левченко, Андрей был с самого начала. С момента своего прибытия в часть после окончания училища.

Выпустили их, девятнадцатилетних, лейтенантами одиннадцатого июня сорок первого года, за десять дней до начала войны. Назначение лейтенант Григоров получил в Киевский особый военный округ, командиром противотанкового взвода в батарее сорокапятимиллиметровых противотанковых пушек стрелкового полка. Во взводе было две пушки образца тридцать седьмого года, оснащенные клиновым полуавтоматическим затвором, обеспечивающим высокую скорострельность (до двадцати выстрелов в минуту), подрессоренными шасси и передком с зарядным ящиком, вмещавшим пятьдесят снарядов (десять подкалиберных, десять картечных и тридцать осколочно-фугасных с бронебойными). Средство тяги – по две лошади на орудие. Командиром первого орудия был сержант Крячко, а второго – стар-

ший сержант Левченко. Каждое орудие имело расчет из шести человек: командир расчета, наводчик, замковой, заряжающий, четвертый и пятый номера – правильные на раздвижных станинах. Всего в подчинении у Андрея находилось двенадцать человек. Из этих первых двенадцати в живых остались только трое. Старший сержант Левченко, наводчик Сивидов и четвертый номер Мамедов. Все остальные погибли в боях. Сейчас у Андрея на два орудия тоже было двенадцать. Но это уже новое пополнение, не первые, кадровые, а призванные из запаса или взятые из пехоты.

Начало светать. Вдоль растянувшейся колонны проскакал ординарец командира полка. Видя командира, ординарец замедлял бег своего скакуна и передавал приказ: «Через десять минут остановка движения. Подтянуться к головному. И не расслабляться».

Вот и конец движения. По сторонам от дороги сидят или лежат красноармейцы. Кто-то, прислонившись к дереву, пытается хоть немного вздремнуть, кто-то перематывает портянку или обмотку, многие, пользуясь остановкой, курят в кулак. Что любой солдат делает на марше, когда выдается свободная минутка без движения? Стараются расслабиться, дать отдохнуть натруженному постоянным движением телу, проверить обувь и амуницию, чтобы было удобнее идти дальше. Конечно же справить естественные надобности. Вдоль колонны в голову проехали штабная машина, два мотоцикла с коляской и бронеавтомобиль, за ними проскакали несколько всадников. Последний всадник, задержав своего коня возле Григорова, бросил: «Всем командирам, вперед, к командиру полка, на совещание. Срочно».

– Старший сержант Левченко, остаётся за старшего. Проверить людей, чтобы ноги не натерли, лошадей, орудия, личное оружие и амуницию. Чувствую, что днем отдохнуть не получится. Я в голову колонны. Если начнется движение, идите вперед без меня, там вас встречу. Все. Я пошел.

После гибели командира батареи Андрей стал исполнять его обязанности и в наследство ему достался вороной конь комбата Орлик. Но так как случайной миной была убита одна из лошадей с первого орудия, то Орлика впрягли вместо нее, а седло спрятали в передок. Так что Андрей временно остался безлошадным. Идя вперед по лесной дороге, Андрей рассматривал стоящие на ней автомобили и повозки, возле них копошились люди. Проходя мимо трех полковых пушек на автомобильной тяге, Андрей присоединился к старшему лейтенанту Мысину, командиру этой батареи.

– Слав, ты не знаешь, что такое? Почему встали? Сейчас не очень светло, можем километров пять еще протопать.

– Точно не знаю. Краем уха слышал, что получено срочное сообщение. Сейчас все узнаем. Пошли к штабу.

Голова колонны. Возле автомобиля командира полка полукругом расположились все оставшиеся в живых командиры. Комполка подполковник Климович и начштаба капитан Бондарев склонились над картой, разложенной на капоте. Рядом с ними находился начальник связи полка старший лейтенант Дулевич и что-то докладывал. Вот с хвоста колонны подъехал мотоцикл. Из коляски вышел комиссар, старший политрук Фридман.

– Алексей Аркадьевич. Все. Полк в сборе. Все оставшиеся подтянулись. Можно начинать. Товарищи командиры!

– Товарищи командиры! Вольно! Прошу внимания! Я понимаю, что устали. Но поставленную перед нами командованием задачу мы обязаны выполнить до конца. Только что получено сообщение. Противник обнаружил отход нашей армии и ударил во фланг двадцать седьмому корпусу, прорвав его оборону. В настоящее время танки и мотопехота противника беспрепятственно продвигаются по дороге вдоль реки Тетерев к Днепру. Возникла угроза, что до нашего прибытия он может захватить Горностайполь, а затем и мост через Днепр. Если это произойдет, мы будем отрезаны от переправы. Учитывая это, нам, как самому боеспособному полку дивизии, приказано форсированным маршем занять Горностайполь

и организовать оборону. Дать возможность другим частям дивизии переправиться на противоположный берег Днепра. – Климович оглядел всех присутствующих. Они внимательно его слушали. «Десятки, сотни подчиненных ждут твоего твердого и решительного приказа. Ты командир, и ты обязан все знать. Тебе подчиняются, тебе верят, по твоему приказу идут в атаку. Если в такие минуты командир проявит нерешительность, колебание, если не отдаст бойцам четкого и твердого приказа, значит, он отнимет у них главное оружие – веру в своего командира, веру в свои силы, в конечном счете – веру в победу». – Поэтому, исходя из сложившейся обстановки, приказываю. Прекратить движение скрытым маршем по лесным дорогам. С целью быстрейшего продвижения и организации обороны выйти на шоссе и совершить форсированный марш на Горностайполь. Идем двумя эшелонами. В первый эшелон включить весь автотранспорт, сконцентрировав его в голове колонны. Первый эшелон: разведка, второй батальон и артиллерия на автомобильной тяге. Личный состав рассадить по всем автомобилям, способным быстро передвигаться. Второй эшелон: все остальные. Я иду с первым эшелонам. Начальник штаба со вторым. По дороге не растягиваться, дистанция минимальная. Арьергард – третья рота третьего батальона. Ей придается артиллерия на конной тяге. По маршруту движения организовать регулирование. Связь по радио и посыльными. Начальнику связи выдать всем радиотаблицы, проверить рации. С другими подразделениями армии не смешиваться. Нигде ни при каких обстоятельствах не задерживаться. Выполнять только мои и начальника штаба прямые приказы. Помните, какая у нас основная задача. Ни одного патрона, снаряда, ни одного предмета военного снаряжения и оружия не оставлять в руки врага. Все, что не поддается эвакуации, уничтожить. Всем сверить часы. Сейчас пять сорок. Личному составу позавтракать сухим пайком. Подготовить транспорт. Начало движения в шесть десять. Все. Вопросы есть?

– Так точно. Товарищ подполковник, а что с первым батальоном, связь есть?

– Нет. Связи нет. Как сообщили из штаба дивизии, по результатам воздушной разведки, по нашим следам движутся колонны танков и мотопехоты противника. Они отстают от нас на сутки. Еще вопросы есть? Всем понятна боевая задача? Разойдись!

Вот и нет первого батальона! Нет друга Кости Николаенко! Зная Костин характер, Андрей понимал, что тот лучше погибнет, уничтожая фашистов, чем побежит, спасая свою жизнь. Но они выстояли. Они смогли. Дали им целые сутки! Значит, погибли не зря. Спасибо, Костя! Спасибо, ребята! Вечная вам память!

Андрей, подойдя к своему взводу, хотел было дать команду позавтракать сухпаем, но этого не потребовалось. Его бойцы, сидя кружком, в центре которого, как квочка с цыплятами, расположился Левченко, дружно уминали консервы. Рядом, с мешками на мордах, также подкреплялись и лошади. Хороший ему достался командир второго орудия, толковый мужик, знает, что делать. Старше Андрея на двадцать лет, прошедший войну с японцами на Халхин-Голе и белофинскую, старший сержант Левченко Григорий Васильевич был как отец родной для всего взвода. Остальные бойцы были младше его. Все старшего сержанта уважали, да и побаивались. Он всегда знал, кто и чем дышит, мог дать дельный совет и наказывать провинившегося так, что тот все потом понимал с полуслова, даже с одного взгляда. Во взводе всегда был порядок, во всем.

В том памятном рукопашном бою Левченко один убил шестерых немцев. Андрей точно не помнил, как все тогда произошло, будто в кино при замедленной перематке кадров. Он видел, как Левченко, держа в левой руке револьвер, а в правой большой изогнутый кавказский кинжал, похожий на укороченную шашку без гарды и дужки, быстро передвигаясь между немцами, как бы обволакивал каждого. После чего они валились, как снопы: кто с перерезанным горлом, кто с распоротым животом, кто с подрезанными ногами, а кто и с пулей в голове. Он же потом добивал и оставшихся раненых немцев. После боя Андрей спросил у него, откуда такой кинжал и где Левченко научился так драться. Немного помяв-

шись, старший сержант ответил, что это отцовский подарок. А такой рукопашный бой у них наследственный. И дед так дрался, и отец, и старший брат, и вот теперь он. «Все мы – чернорабочие войны. А при такой специальности, если хочешь выжить, надо быть профессионалом, по-другому никак, иначе погибнешь», – пояснил он.

О своей семье Левченко рассказывать не любил, всегда уходил от этой темы, при воспоминании о родителях и родственниках лицо его становилось мрачным, он как-то сразу внутренне сжимался, а на глаза наворачивались слезы. Был ли он женат, никто не знал, он никому не писал писем, и ему никто не писал. Все вопросы переводил в шутку: «Моя жена – армия, а письма я командиру пишу в виде рапорта о выделении имущества на взвод». Как-то раз к нему сунулся политрук Жидков, комиссар второго батальона и парторг полка, с предложением вступить в партию, но, встретив взгляд, от которого мурашки по телу пошли, резко ретировался и больше на глаза старшему сержанту старался не попадаться. Хоть не заложил особисту, и то хорошо.

– Ну что там, командир? На, лейтенант, подкрепись. Чай, дорога еще дальняя у нас будет. – С этими словами Левченко протянул Григорову открытую консервную банку тушенки со вставленной ложкой и кусок хлеба. Затем лихо подкрутил свои усы, такие же, как у Василия Ивановича из кинофильма «Чапаев».

– Немцы прорвали с юга фронт, могут нам дорогу на переправу перекрыть. Получен приказ форсированным маршем выдвигаться им наперерез и занять оборону у Горностаевополя. Мы идем в арьергарде, прикрываем тыл от наступающих за нами фашистов. Выходим из леса на шоссе. Начало движения в шесть десять.

– Если немчура прет и мы прикрываем тыл, значит, первого батальона уже нет. Да... Жалко ребят. Если выходим из леса на шоссе, то бойся воздушного налета. Эти гады разлетались сейчас, шо те комары на болоте! Ну шо, орлы, перекусили? Пускай командир поест, а у нас работа. А ну все подъем, к орудиям! Подготовиться к маршу! Прочистить стволы, осмотреть замки. Жуликов, возьми солидол в передке да смажь все колеса. Мамедов, Блудов, вы как любители лошадок проверьте своих подопечных. Все. За работу. Ничего не оставлять на месте. Сизов, смотри за своим орудием, а я за своим. Потом все проверю.

Пока Григоров утолял вдруг наступивший голод, его взвод бегал вокруг орудий, скоро выполняя приказы Левченко. Новый командир первого орудия сержант Сизов, призванный из запаса тридцатилетний мужчина, трудился наравне со своими подчиненными, безоговорочно приняв первенство и авторитет Левченко.

К Андрею подошел незнакомый лейтенант и протянул руку:

– Здорово, «Прощай Родина!». Командир третьей роты третьего батальона лейтенант Попов. Андрей.

– Привет, «Царица полей». Лейтенант Григоров, командир противотанковой батареи, бывший взводный. Тоже Андрей.

– Ну вот и познакомились, тезка. Нам с тобой в арьергарде идти. Ты давно в полку?

– С семнадцатого июня сорок первого года. Харьковское противотанковое артиллерийское училище. От нашей батареи сорокапяток остался только мой взвод, два орудия. Комбат и один взвод погибли возле укрепрайона, а другой остался с первым батальоном.

– А я в сороковом году Житомирское пехотное училище закончил. Командиров в роте, кроме меня, никого, взводами сержанты командуют. Сам ротным стал две недели назад, а до этого тоже взводом командовал. У меня в роте тоже негусто. Вместе со мной сорок шесть человек. Один станковый «максим» и два ручных пулемета Дегтярева. Боеприпасов кот наплакал. Вот и все хозяйство. Комбат пообещал дать два батальонных миномета, ящик бутылок с зажигательной смесью и патронов подкинуть. У тебя снарядов-то хватает, а то вдруг танки попрут?

– Полный боекомплект на каждое орудие. Да еще вон старший сержант один немецкий ручной пулемет с коробкой патронов заныкал. Так что пока живем.

– Вот и ладненько. Комполка приказал нам выдвинуться на шоссе и занять оборону западнее села Дитятки. В пяти километрах от него есть развилка дорог. Так что выдвигаемся самыми последними, когда все уйдут. Оставайся на месте, сейчас я своих бойцов к твоим присоединю.

Попов ушел. Через некоторое время к двум орудиями Григорова присоединились три подводы, по две лошади в каждой, везущие оставшееся имущество стрелковой роты Попова. На одной из них сидел младший сержант с радиостанцией. Подошли красноармейцы третьей роты.

Мимо них на скорости проехали автомобили с красноармейцами, скорым ходом проскочили подводы с имуществом, прошли те, кому не хватило места в автомобилях. Одна из подвод остановилась, бойцы перегрузили в повозки Попова ящики с боеприпасами и два миномета. Рядом встали минометчики.

К стоящим в стороне Попову и Григорову подъехали два всадника:

– Товарищ лейтенант! Сержант Семенов. Конная разведка. Командир полка приказал нам отъехать назад вдоль шоссе и при обнаружении немцев немедленно докладывать вам. А вы уж потом ему.

– Так, понятно. Ну что, тезка. Начинаем движение? Всем, подъем! Вперед к шоссе! Шагом марш!

Через пару километров вышли на шоссе.

По дороге нескончаемой вереницей тянулись беженцы. Никогда прежде Андрей не видел такого потока людей: старики и старухи, женщины и дети, подростки. Больше всего женщин и детей. И у всех: у взрослых, у ребятишек – черные от пыли и усталости лица. В их глазах стояли страх и растерянность. Видно, шли не первый день и не знали, когда закончатся их мучения. У многих тощие котомки за спинами. Иногда в этом потоке проезжал грузовой автомобиль или подвода с имуществом и сидящими сверху не меньше десятка голодными, как галчата, ребятишками. Кое-где к телегам и ручным тележкам были привязаны домашние животные: коровы, козы, сверху кудахтали куры. Рядом с людьми пробегали собаки, искали потерявшихся хозяев, но при этом никого не трогали, видно, все понимали.

Несколько человек прогнали небольшое стадо исхудавших коров и телят.

Девушка в белой косынке и сиреновом платье, крутя педали, проехала на велосипеде. К багажнику бельевой веревкой приторочена большая корзина. Но трудно вот так ехать на велосипеде в толпе медленно бредущих людей, и она, спрыгнув на разбитую дорогу, повела велосипед в руках. А он мужской, и заднее колесо под грузом на багажнике виляет из стороны в сторону.

Толкая перед собой тележку на высоких железных колесах, прошел старик с гривой длинных седых волос. В тележке лежал набитый чем-то мешок, а на мешке сидел мальчуган в матросском костюмчике: курточка с якорями, круглая шапочка и по ленте серебряные буквы «КРАСИН». У старика глаза, утомленные недосыпанием, и плотно сжатые губы. Мальчуган вертел головой, недоверчиво смотрел по сторонам. Дед и внук, видать.

В черных одеяниях и платках, надвинутых на самые глаза, прошли две немолодые монахини. Нестройная колонна детдомовцев – стриженных наголо мальчишек и девчонок лет по десяти – двенадцати – проплыла вслед за ними. Во главе колонны брели немолодая женщина-воспитательница и усатый мужчина в красноармейской гимнастерке с пустым рукавом. Мужчина иногда оглядывался, сипло кричал: «Подтянись!», и детдомовские покорно убыстряли шаг, догоняли впереди идущих и снова отставали.

Среди беженцев попадались и военные, которые шли кто с оружием, а кто и без оружия, иногда даже без гимнастерок и без знаков различия. По ним было видно, что воевать сейчас

они неспособны, главная их мысль – спасти свою жизнь. Кое-где на обочине дороги стояла брошенная неисправная техника, сломанные телеги, были разбросаны вещи.

Течет, течет по дороге людской поток. Усталые, измученные, изголодавшиеся люди... Беженцы не плачут, нет. Разве только совсем уж маленькие ребятишки, когда неумоготу становится: жара, жажда, голод...

Видя выходящую из леса военную колонну, беженцы зашевелились, стараясь побыстрее уступить ей дорогу. Проходя мимо них, Андрей и его бойцы опускали вниз глаза: было стыдно перед этими людьми за отступление, за невозможность сейчас бить врага, за то, что оставляли мирных граждан своей великой страны на растерзание фашистам.

Простите нас, люди, мы еще вернемся и отомстим за вас! Враг будет разбит, победа будет за нами!

Прошли развилку дорог. Еще пару километров. Вот и удобный рубеж обороны для встречи противника. Дорога делает поворот и идет прямо метров четыреста, затем снова поворот. Перед вторым поворотом, слева и справа от дороги небольшие холмы, поросшие мелким леском и кустарником. А дальше сплошной густой лес. Идеальное место для засады, капкан для врага. Надо сделать так, чтобы в этом капкане похоронить как можно больше фашистов.

– Ну что скажешь, тезка? Как тебе позиция? Что предлагаешь?

– Да, лучше не найти. Предлагаю такую диспозицию. Я занимаю холмы, первое орудие слева, второе справа. Маскируемся. Будем бить немца в борт. Дай мне по одному ручному пулемету для прикрытия от пехоты да по взводу на каждую сторону. Но расположим их чуть ближе к лесу, чтобы больше был охват, и так, чтобы с флангов ко мне немец не зашел. Здесь мы их перекрестным огнем и положим.

– Хорошо. А я размещу немного дальше, на самом повороте, «максим» и бойцов по краям шоссе, в лесу. Будем бить гадов в лоб. Минометы за пулеметом поставлю. Если впереди мотоциклисты и пехота, пропускай их ко мне поближе. Как я первой очередью из «максима» ударю, тогда и ты стреляй. Все. Надо быстрее занимать позиции, а то чем черт не шутит, вдруг немчура припрется.

Приняв план, каждый пошел давать указания своим бойцам.

– Григорий Васильевич, я беру первое орудие и занимаю позицию на холме слева от дороги, вы – справа. Лошадей с передками в лес. Мотоциклистов и пехоту пропускаем. Ими займется Попов. Первый танк на дороге и первый выстрел – мой. Ты бьешь второй и так далее, в шахматном порядке. Если что не так, дальше по ходу боя. Попов дает бойцов для прикрытия флангов и по ручному «дегтярю», расположи его чуть в стороне, чтобы не были все в одной куче. Огонь открываем после очереди с «максима».

– Понял, командир, будет сделано. А ну подъем, православные!

Мимо по шоссе проходили беженцы. Они смотрели на окапывающихся красноармейцев. Верили ли они, что мы сможем задержать немцев или нет, по их лицам невозможно было понять. Но, видя нашу подготовку к бою, ускоряли шаг, стараясь побыстрее выйти из зоны предстоящей битвы.

Андрей оглядел позицию первого орудия:

– Сизов! Глубже вкапывайтесь, чтобы только ствол над бруствером был. Да расширьте в стороны позицию, вдруг передвигать орудие вправо или влево придется. Слева сделай окопчик для наблюдения за дорогой. Когда выкопаете, выйди на дорогу и посмотри оттуда, как замаскировались. Кусты перед орудием пересадите, чтобы обзор лучше был и вас не видно. Давай, действуй. Я к Левченко. В бою буду у тебя.

Пока Григоров давал указания командиру первого орудия, к ним подошла группа красноармейцев из четырнадцати человек. Вперед вышел младший сержант:

– Товарищ лейтенант! Командир взвода младший сержант Осипов. Прибыли в ваше распоряжение. Какие будут приказания?

– Значит, так. Ваша задача – организовать оборону левого фланга позиции орудия, от ее края и до того леса. Распредели бойцов равномерно. Здесь метров семьдесят, не более. Пулеметчика поставь в середину. Окопайтесь, но с учетом маскировки, чтобы немцы с дороги ничего не увидели. О, вижу две эсвэтишки! Вы, бойцы, будете с краю. Ваша задача – оборонять подходы из леса, чтобы противник к нам в тыл не зашел. Если будет туго, отступайте не на позицию, а в лес и оттуда бейте в спину. Огонь без команды не открывать. Ясно? Гранаты, бутылки с зажигательной смесью есть? Действуйте!

– Так точно. Задача понятна. Есть... Пошли, ребята.

Сержант, козырнув, повел своих бойцов к лесу, по пути распределяя, где и кому находиться. Красноармейцы, быстро скинув вещмешки, достав саперные лопатки, принялись копать индивидуальные ячейки. Среди них выделялся крупный, почти двухметрового роста, светловолосый парень лет двадцати пяти, с расстегнутым воротом гимнастерки, в который на груди была видна морская тельняшка. Он был пулеметчиком. Ручной пулемет Дегтярева в его руках выглядел словно игрушечный.

Дав указания Сизову, Григоров отправился на позицию второго орудия. Его целью было не столько проверить, как Левченко установил орудие, сколько посмотреть и поучиться правильному, более эффективному выбору позиции в таких условиях. Пройдя две войны не в теории, а на практике, Левченко стал профессионалом артиллерийского боя. Поэтому, следя за его действиями, Андрей старался подметить те мелочи, которым не учат в училище, а они приобретаются и проверяются только в настоящем бою.

– Ну как, Григорий Васильевич, разместился? А где бойцы, которых Попов прислал?

– Все нормально, командир. Я их чуток дальше, назад, вдоль шоссе послал, чтобы германцу в задницу жару поддали. А тут сами справимся. Вона и пулеметик у нас есть. Отобьемся.

Как бы незаметно иссяк поток беженцев. Шоссе опустело.

Осмотрев позицию второго орудия, Андрей понял, что не зря пришел поучиться. Бойцы Левченко подготовили не одну, а сразу две позиции. И обе были не на холме, как у первого орудия, а по его сторонам. Орудие могло стрелять из-за холма, прикрываясь им. Как пояснил старший сержант, это сделано потому, что при первом же выстреле его могут обнаружить и накрыть огнем. Пока немцы будут бить по первой позиции, он, прикрываясь холмом, перетащит орудие на вторую позицию и ударит им под дых. Отдельно была вырыта небольшая траншея, идущая параллельно дороге, на бруствере которой разместился немецкий пулемет МГ-34 со вставленной лентой. Рядом лежали гранаты. Возле пулемета находился незнакомый Григорову красноармеец.

«Видно, пехотинца Левченко припахал», – подумал Андрей.

Пока бойцы укрепляли позиции, Левченко присел с противоположной стороны и стал разматывать свой вещмешок. Андрей подсел возле. В это время в небе с запада послышался гул. Подняв голову вверх и затем смачно сплюнув в сторону, Левченко крикнул: «Воздух! Всем в укрытие!» Такая же команда раздалась и в стороне позиции первого орудия, а также в стороне расположения оставшейся роты Попова.

Григоров и Левченко, спустившись в траншею, смотрели в небо. Над их головами, грозно ревя моторами, вдоль шоссе пролетала стая немецких самолетов «Юнкерс-87». Чуть выше летели истребители «Мессершмитт-109».

– Наших под Горностайполем бомбить полетели, вражины!

– Шестнадцать «юнкерсов-лаптежников» и восемь «мессеров». Тяжело нашим придется.

Вдруг откуда-то из-за облаков на хвост летящей стае выскочили два наших истребителя Як-1. Следом за ними показался скоростной бомбардировщик СБ. Не ожидавшие этого, немцы продолжали свой спокойный полет смерти. Первыми же очередями были подбиты два крайних «юнкерса». Один из них, вспыхнув как спичка, кувыркаясь, упал в лес. Раздался взрыв. Второй «лаптежник», завалившись на крыло, задымил и, оставляя за собой черный шлейф, начал кругами снижаться. Из него выпрыгнул человек, через пару секунд над ним раскрылся парашют, и он стал медленно спускаться, пока не скрылся за деревьями, в расположенный севернее от шоссе лес. Самолет также взорвался, упав. Но это было только начало воздушного боя. Оправившись от внезапного нападения, четверка «мессершмиттов», разлетевшись сначала в разные стороны, затем попарно напала на наши истребители. Завязался неравный воздушный бой. СБ также не остался в стороне, он продолжил атаку на «юнкерсы». Очередями из носового пулемета ему удалось подбить еще один, который взорвался прямо в воздухе, – наверное, пуля попала в бомбу. Летящие в хвосте «юнкерсы», видя, что на них напали, стали снижаться к земле и сбрасывать свой смертоносный груз. Впереди за лесом, где было шоссе, раздался взрыв.

– Вот сволочи, на беженцев бомбы сбрасывают!

– Эх, наших маловато! Смотри, Васильевич, одного нашего подбили!

Действительно, один из «яков» падал, объятый пламенем. Летчику удалось выпрыгнуть с парашютом. Но он вскоре погиб – «мессер» расстрелял парашютиста из своих пулеметов. Второму нашему истребителю удалось подбить вражеский самолет. Враг выпал из боя и, снижаясь, полетел на запад, постоянно чихая мотором.

К первой четверке «мессеров» добавился еще один. Он зашел в тыл нашему бомбардировщику и открыл огонь. Было видно, что стрелок, находившийся в верхней кормовой пулеметной установке, пытался отстреливаться, но, видимо, вскоре был убит, так как стрельба по вражескому истребителю прекратилась. Воспользовавшись этим, немец приблизился и стал нагло расстреливать беззащитный бомбардировщик. У СБ загорелся правый двигатель, и он, покрываясь черным дымом, начал быстро снижаться в лес севернее от шоссе.

– Вот сволочь фашистская! Сейчас наш взорвется!

Но взрыва почему-то не последовало.

«Юнкерсы», успокоившись и выровняв свои ряды, продолжили полет на восток.

Оставшаяся четверка «мессершмиттов», как коршун, набросилась на последний наш истребитель и подбила его. Як, падая, зацепил пролетающий под ним немецкий «мессер», и они, столкнувшись, крутясь, словно в вальсе, вместе упали в лес. Раздался двойной взрыв.

– На троих наших пять немцев. Хороший счет. Молодцы, ребята. Бились до последнего. Пусть земля будет им пухом.

«Мессершмитты», развернувшись на восток, прошли над шоссе, сделали несколько очередей и улетели догонять «лаптежников».

Воздушный бой занял считанные минуты, но Андрею показалось, что он шел не менее получаса.

– Ну что, лейтенант, помянем наших соколов? Смело бились ребята, не побоялись своры. Если бы все были такими, хрен бы нас Гитлер гнал от границы до Днепра. Скорее бы мы уже в Берлине были!

С этими словами старший сержант достал из вещмешка флягу.

– Блюдов, принеси всем кружки. И ты, пехота, доставай.

Когда Блюдов принес кружки, Левченко открыл флягу и разлил всем понемногу спирта.

– Помянем. Пусть земля будет им пухом.

Все встали. Помолчали. Выпили.

– Так. Всем по местам стоять. Готовиться к бою, чувствую, что и на нас сейчас германец поперет. Ох, нелегко придется. Видно, сегодня у нас будет судный день, – сказал Лев-

ченко. Затем, внимательно посмотрев на Григорова, взял в руки свой вещмешок. Вытащив из него аккуратно завернутый в чистую портянку кавказский кинжал, показал Андрею: – Вот, командир. Это память о моем отце.

Ножны кинжала были деревянные, обтянутые кожей. Металлический прибор состоял из устья со скобой для ремешка и наконечника (мысика), заканчивающегося металлическим шариком. Ножны были обмотаны ремешком, которым, по-видимому, крепились к поясу. Эфес состоял только из рукояти. Рукоять фигурная, из червонного золота, узкая в средней части. Верхняя и нижняя пуговка серебряные. На всех металлических частях кинжала был выгравирован красивый орнамент. Клинок был стальной, слабо изогнутый, обоюдоострый, с двумя узкими долами, длиной около пятидесяти сантиметров и шириной четыре миллиметра. На пяте клинка были выбиты большие буквы «ТКВ». А на рукояти большая буква «Л». В середине буквы «Л» просматривалась небольшая цифра «два».

– Я ведь, лейтенант, из терских казаков. Родом из станицы Михайловской Сунженского отдела Терского казачьего войска. Это на Северном Кавказе. Реки Терек и Сунжа там текут. Ты, наверное, и не слышал про такое? – Григоров в подтверждение этих слов покачал головой. Левченко продолжал свой рассказ: – Этот кинжал называется бебут, короткая шашка пластунов, он сделан наподобие персидских кинжалов, чтобы, когда бегаешь, не мешал в движении, как длинная шашка. Им хорошо часовых резать и в окопе драться. Его подарил мне отец, еще до Первой мировой, в тринадцатом году. Мне тогда десять лет исполнилось. Батя во Владикавказе заказал у известного мастера два кинжала – для меня и для старшего брата Степана, он меня на десять лет старше. Вот и подарил их нам на дни рождения. У Степана цифра «один» стоит, а у меня «двойка». Он ведь первый сын, а я второй. А так кинжалы полностью одинаковы. Меня им владеть батя с детства учил...

– А где сейчас вся семья ваша, Григорий Васильевич?

Левченко немного помолчал, снова внимательно посмотрев в лицо Андрея, промолвил:

– Верю я тебе, лейтенант. Люб ты мне. На моего меньшего брата очень похож, прямо копия. Ладно, расскажу, так и быть. Надо же кому-то знать, что был такой Левченко Григорий, откуда он родом и все такое. А то вдруг сегодня убьют, никто и не вспомнит. Семья у нас большая была: батя, маманя, старший брат Степан, сестренка Глаша, старше меня на три года, я и меньшой братишка Ванюшка, на семь годков меня меньший. До первой войны мы жили хорошо, дом большой, землицы много та скотинки разной. Я ведь на отца сильно похож, старший брат на мать, а я – вылитый батя. Отец у меня фельдфебелем был. Служил в пластунском батальоне. Мы вообще все в роду пластуны. Казачья пехота. Как сейчас говорят, казачий осназ. А как война мировая началась, отца и Степана на фронт призвали. Я самый старший мужчина в семье остался. Трудно пришлось. После революции семнадцатого года отец с братом домой вернулись. Думали, все, отвоевались, теперь мирно заживем. Сеструха замуж в другую станицу вышла. Степан-то еще до войны женился. Двое деток у него было. В восемнадцатом году большевики пришли. Стали землю и добро у казаков забирать. Ну люд и возмутился, восстание подняли. Ох, много тогда народу побили почем зря. Тогда восставших разбили. Часть ушла к белым, часть разбежалась. Батя и Степан ушли. В начале девятнадцатого года деникинцы пришли и уже всех красных перебили. Степан к Деникину служить пошел в Добровольческую армию. Где-то здесь на Украине и сгинул. Отец дома остался, раненный тяжело был. Так что снова все хозяйство на мне. А я пацан шестнадцатилетний! Бабы да дети малые в придачу. Вот теперь представь, каково-то было! Как Гражданская война закончилась, нас выселять стали в голые степи, в Ставрополье, на спецпоселение. В двадцать первом году отца чекисты арестовали и потом расстреляли. Сказали, что за контрреволюционную деятельность. А какой из него контрреволюционер, он тогда еле ходил. Болел сильно после ранения. А дом наш да и всю станицу с землей чеченам отдали. Они тогда большевиков шибко держались. На новом месте многие тифом заболели.

Почти все мои и померли. И маманя, и жинка Степанова с детьми. Сестренку Глашу вместе с мужем тогда в Сибирь отправили. Где они, до сих пор не знаю. Остались мы вдвоем с братишкой Ванюшкой. Тогда бардак с документами был. В город нам удалось перебраться. Я работать на завод пошел разнорабочим. Потом меня в армию забрали. Скрыл я, что из казаков, а Ивана в детдом определили. В армии сначала замковым при орудии был, а затем в школу младших командиров учиться отправили. Так и остался служить. Как-то в отпуск к Ванюшке приехал, а мне сказали, что помер он... На могилку к нему ходил... – При этих словах на лице Левченко отразилась душевная боль, из глаз потекли крупные слезы. Смахнув их рукой, старший сержант продолжал: – Я ведь тогда повеситься хотел. Один остался, совсем один... Ни кола ни двора... Даже письмо написать некому. Спасибо добрым людям, из петли вовремя вытащили. Сказали, что молодой еще, жениться смогу, детей завести, вот и семья новая будет. Да и сестра, может, жива осталась. Тогда вроде бы надежда появилась. И я решил жить. Вот так и живу. Правда, еще не женился. Хотя давно пора. Никак не найду свою половиночку.

Посидели. Помолчали. Левченко достал из вещмешка небольшой носовой платок. В нем были завернуты два Георгиевских креста и новенький серебряный православный крестик с такой же цепочкой. Посмотрев на него, старший сержант расстегнул ворот гимнастерки, вытащил такой же крестик, висящий на шее, и поцеловал его. Затем обратился к Григорову:

– Вот что, лейтенант. Возьми себе этот крестик. Он освященный. Брату своему меньшему, Ванюшке, вез. Да не судьба. Сбережет он тебя от лиха всякого. Не побрезгуй. Как брата прошу.

– Да вроде комсомолец я, Григорий Васильевич. Комсомольцы-то крестов не носят. Говорят, что Бога нет.

– Это дураки говорят. А еще они говорят, что кур доят и коровы у них несутся. Но пока все наоборот происходит. Комсомол – это от лукавого, а крест – от Бога! Комсомол-то в кого верить заставляет? Только в человека, да и к тому же смертного. А разве в смертного верить можно? Если он умрет, то чем тебе помочь-то сможет? Ты мне скажи. Тебя мать, когда в армию провожала, крестила али нет?

– Честно говоря, да. Даже иконку целовать давала, но сказала, чтобы помалкивал. Меня еще в детстве родители окрестили. Правда, я ничего не помню.

– Вот видишь. Мать у тебя в Бога верит, в его силу, что сбережет тебя в лихом бою. А ты против матери не пойдешь, ведь верно?

Андрей кивнул.

Левченко продолжал:

– Так что бери, надевай и носи. И не верь всяким сказкам, которыми вас, молодежь, охмуряют.

Андрей осторожно взял крестик и надел себе на шею, сразу же застегнув гимнастерку на все пуговицы. Левченко только усмехнулся.

– А эти Георгиевские кресты чьи?

– Это мой батя заслужил. Один за японскую, другой за германскую. А еще вот какая память о нем осталась... – С этими словами старший сержант достал из своего бездонного вещмешка небольшую папаху из черного бараньего меха с малиновым верхом: – Вот что, лейтенант. Если вдруг меня убьют, возьми себе и кинжал, и папаху, и кресты. Хоть какая-то память обо мне у тебя останется.

– Хорошо. Но я все же думаю, что все это вы своим детям сами сможете передать.

– Дай-то бог.

Вдруг на востоке послышались звуки боя, разрывы бомб и грохот артиллерийских снарядов.

– Наши под Горностайполем воюют. Так, я к Попову. Желаю всем остаться в живых.

Идя к позиции роты Попова, Андрей услышал сзади стук копыт о покрытие дороги. Обернувшись, увидел, что по шоссе галопом скачут два всадника. Один что-то кричал и махал рукой, показывая назад. Из придорожных кустов на шоссе выбежал лейтенант Попов. Григоров и всадники оказались возле него почти одновременно.

Первым из всадников оказался сержант Семенов из конной разведки. Отдышавшись, он доложил:

– Товарищ лейтенант, в двух километрах отсюда немецкая колонна по шоссе идет. Идут не очень быстро. Впереди четыре мотоцикла с колясками, на двух – пулеметы. Потом бронетранспортер полугусеничный. В колонне четыре танка и три грузовика с пехотой. Замыкает колонну еще один бронетранспортер. Предположительно это передовой отряд. За ними никого не обнаружено.

– Так. Пара километров, говоришь? Минут через пять будут здесь. Всем к бою!

– Попов, а что связь с полком? Ты доложил, что мы оборону заняли?

– Нет связи. Я радисту приказал постоянно вызывать полк, но пока глухо. Сам слышишь, что они там бой ведут. Все. По местам. Андрюха, огонь открывать только после пулеметной очереди. Ты своих предупредил? Все, пока! Желаю увидеться после боя, живыми!

Помахав друг другу на прощание руками, командиры разбежались по местам.

Заскочив на позицию первого орудия, Григоров увидел, что бойцы уже поняли, что сейчас будет бой. Лица у всех стали напряженными и сосредоточенными. Позади орудия лежали раскрытыми снаряженные ящики, чтобы было удобнее брать снаряды разных видов. Весь расчет находился по своим местам. Андрей встал в полный рост и сказал, чтобы было всем слышно: и его бойцам, и пехотинцам из охранения:

– Приготовиться к бою. Через пару минут появятся немцы. Без команды не стрелять. Огонь открывать только после пулеметной очереди из «максима». Все. Тишина.

Затем, присев возле своего расчета, уже тише приказал:

– Сизов, Сивидов! Пропускаете мотоциклы и бронетранспортер. Бьем по первому танку. Левченко бьет второй. Приготовились...

Прошло несколько томительных минут ожидания. Андрей надел каску, проверил магазин в автомате, зарядил его, щелкнув затвором. Затем вытащил пистолет из кобуры и дослал патрон в патронник. Также проверил свободный ход штык-ножа из ножен. Мало ли что...

И вот из-за поворота на прямой отрезок дороги выскочили четыре мотоцикла с немцами. Немного проехав, они остановились. Андрей поднес бинокль к глазам. На первом и третьем мотоциклах были установлены ручные пулеметы. Немцы были одеты в маскировочные накидки. Одежда и лица немецких солдат запыленные. На глаза через каски надеты большие мотоциклетные очки. В сетки на касках вставлены небольшие веточки с листьями. На каждом мотоцикле сидело по три немца. Мотоциклисты стали о чем-то переговариваться между собой. Из-за поворота показалась неуклюжая фигура полугусеничного бронетранспортера «Ханомаг», утыканная ветками от деревьев. В открытом десантном отделении во весь рост стоял офицер, одетый в пятнистую накидку. То, что это офицер, можно было понять по фуражке с высокой тульей, придавленной наушниками от радиостанции. Левой рукой он опирался на установленный на крыше отделения управления пулемет МГ-34, из-за которого виднелась каска пулеметчика. Из десантного отделения также выглядывали каски других солдат противника. «Ханомаг» остановился. Офицер правой рукой медленно поднес к глазам бинокль и стал осматривать окрестности. Увидев это, Андрей резко сел на дно окопчика, спрятав бинокль.

«Не дай бог, заметит блеск от стекол бинокля. Тогда все – пиши пропало. Никакой засады не получится. Они нас танками просто раздавят», – подумал он.

Прошло около минуты. Звука приближающихся моторов слышно не было. Осторожно приподнявшись и смотря сквозь кусты, высаженные бойцами расчета для маскировки позиции, при этом закрывая рукой стекла бинокля, Андрей увидел, что немецкий офицер опустил руку с биноклем, затем повернулся назад, показав Андрею свою спину. Из-за поворота послышался гул мотора, и на дорогу выехал средний танк Pz-III, вооруженный тридцатисемимиллиметровой пушкой. Он был окрашен в маскировочный цвет и утыкан ветками с листьями. Повернувшись к мотоциклистам, офицер махнул вперед рукой. После его команды те рванули с места по шоссе. Вслед за ними тронулся и бронетранспортер с покачивающимся в нем десантом отделения и осматривающим окрестности офицером. Танк, не останавливаясь, продолжил движение. Следом за ним показался другой средний танк, но уже Pz-IV с короткоствольным семидесятипятимиллиметровым оружием.

«Лишь бы у наших терпения хватило дожидаться, чтобы эти гады поближе подошли. Если кто из танков останется за поворотом, он нас всех потом расстреляет. Ждите, ребята, ждите...» – думал Андрей, сжимая в руках бинокль.

Обратившись к расчету, тихо сказал:

– Приготовить бронебойные. Стрелять беглым огнем по три снаряда подряд. Главное, первому танку в гусеницу сразу попасть. Он развернется, борт подставит, вот тогда и добивать будем подкалиберными.

За это время мотоциклисты уже преодолели больше половины прямого отрезка пути и приближались ко второму повороту, где засел с «максимом» Попов. Также быстро начал приближаться и «Ханомаг». Между ним и последним мотоциклом дистанция была не более десяти метров. На дороге за вторым танком показались третий и четвертый. Но они не были так страшны, как два первых. Это были легкие танки Pz-II, вооруженные автоматической двадцатимиллиметровой пушкой. Следом за ними выехали на дорогу три грузовика с пехотой. Колонну замыкал еще один «Ханомаг», но пулемет у него был закреплен не впереди, а сзади, на вертлюге.

«Ну все. Теперь вся труппа в сборе. Можно открывать спектакль», – подумал Андрей и приказал:

– Сизов, Сивидов! По головному танку! Ориентир... Прицел... Первый снаряд бронебойный... Готовсь...

Когда мотоциклом до второго поворота оставалось не более ста метров, грянул одиночный винтовочный выстрел. Немецкий офицер, ехавший, как на параде, и выставивший себя на всеобщее обозрение, вдруг дернул головой назад и завалился в десантное отделение. Одновременно раздалась длинная пулеметная очередь из «максима». Сразу же за ней грохнул почти одновременный залп из винтовок и автоматов. В несколько секунд были расстреляны все немцы на мотоциклах. Один из первых мотоциклов взорвался. Последний, подняв коляску, резко развернулся на месте, и его бросило под колеса следующего за ним бронетранспортера. «Ханомаг» вильнул, видимо, водитель по привычке пытался избежать столкновения, затем резко свернул влево и застыл на обочине, подмяв под передок мотоцикл вместе с убитыми на нем солдатами. Задняя часть бронетранспортера осталась на шоссе, частично перекрыв проезжую часть. Немецкий пулеметчик, придя в себя от такого толчка, открыл огонь в сторону расположения роты Попова. Но ему удалось сделать всего несколько коротких очередей. Получив пулю, он также упал в десантное отделение. У «Ханомага» открылась двухстворчатая дверь, расположенная в корме, и из нее начали выскакивать солдаты, стараясь сразу же упасть на дорогу и перекатиться в кювет за обочиной. Несколько из них моментально были убиты из пулемета Попова и выстрелами его бойцов. Оставшиеся попытались отстреливаться, но в их сторону из-за правого холма полетели гранаты, так что участь их была решена. Взрывы гранат, и никто не остался живым. В это время следующий головным танк Pz-III, пытаясь объехать «Ханомаг» и не раздавить своих солдат, выехал на

другую обочину дороги, тем самым приблизившись к позиции первого орудия. Он повернулся в направлении поворота и сделал один выстрел в сторону позиций Попова. Затем, медленно двигаясь вперед, открыл стрельбу из пулеметов. До танка было не менее ста пятидесяти метров.

– Орудие! Беглым! Огонь! – прокричал Григоров, и от резкого звука пушечного выстрела его ненадолго оглушило. Первый снаряд попал чуть выше левой гусеницы, сбив защитные щитки и немного заклинив гусеницу. Сразу же за первым орудие выпустило второй снаряд, который разорвал левую гусеницу и вырвал ведущую звездочку. Танк от попадания дернулся и резко развернулся, подставив свой правый борт. Третий снаряд уже ушел в борт, где размещались пулеметчик и водитель танка. Открылся верхний люк в башне, и танкист попытался выскочить наружу.

– Подкалиберным! Огонь!

Подкалиберный снаряд прошел борт танка под башней, после чего раздался взрыв и башню разорвало на куски. По-видимому, сдетонировал боекомплект. Вверх полетели куски металла и половина человеческого тела, успевшая высунуться наружу. Про остальной экипаж можно было не вспоминать. Стоявшие на обочине «Ханомаг» и остатки первого танка перекрыли возможность движения вперед по шоссе.

Пока первое орудие обстреливало головной танк, второй танк Pz-IV, обнаружив противотанковую артиллерийскую позицию, остановился на месте. Даже немного отъехал назад. Его башня начала разворачиваться в сторону орудия Сизова.

«Где же Левченко! Почему он не стреляет! Накроет же нас сейчас!» – подумал Андрей. Он бросил быстрый взгляд в сторону второго холма и снова в сторону немецкого танка. Немец оказался хитрым. Он расположил свой танк так, что Левченко мог стрелять ему только в лоб, но не в борт. Такой танк сорокапятка на расстоянии больше ста метров в лоб не брала. Если бы был выстрел, то снаряд ушел бы, не причинив танку большого вреда, но и орудие было бы обнаружено. Теперь Андрей все понял. Левченко ждал удобного момента. Но какова была цена! Жизнь первого орудия!

Танк выстрелил. Снаряд ударил перед позицией орудия чуть ниже бруствера. Раздался взрыв. Что-то толкнуло в грудь, и взрывной волной Андрея отбросило назад. Он упал спиной на молодые елочки, что немного смягчило удар о землю. Его оглушило. На секунду потерял сознание. Очнулся. Открыл глаза. «Назад, к орудию. Бить танки надо!» – была одна мысль. Чуть сзади, справа, вспыхнул новый взрыв, и Григорова осыпало землей. У рядом стоящей елочки осколком срезало верхушку. Перевернувшись на живот, Андрей сел на корточки и отряхнулся. Привстав, сделал шаг к орудию, но споткнулся и упал. Падая, почувствовал удар по каске. Это пуля прошла по касательной. В голове зазвенело. Вернулся слух. Вокруг все грохотало, свистело и взрывалось. Шел настоящий бой. На дороге стоял танк Pz-IV и по-прежнему целился в него из своей короткой пушки, обстреливая из пулеметов позицию артиллеристов и расположившихся рядом пехотинцев.

Вдруг со стороны второго холма раздался пушечный выстрел. Это Левченко! Снаряд попал в левую гусеницу танка, порвав ее. Немец дернулся и стал делать задний ход, немного забирая влево, при этом оставляя гусеницу на дороге. Андрей встал. Башня начала разворачиваться в сторону позиции Левченко, поливая огнем из башенного пулемета все пространство по пути. Видя, что Левченко отвлек на себя внимание танкистов, Андрей осмотрел поле боя, чтобы оценить общую ситуацию. Пока артиллеристы боролись с двумя первыми танками, два других, легкие Pz-II, по одному съехали с дороги на левую сторону. Двигаясь вдоль кромки леса, подминая под себя небольшую поросль, они приближались к позициям пехотинцев, обеспечивающих оборону с фланга, периодически стреляя из своих автоматических пушек. За танками продвигались двумя цепями немецкие пехотинцы, ведя огонь из винтовок и автоматов. Красноармейцы тоже не сидели молча, а стреляли, стараясь отсечь пехоту от

танков. Возле их ячеек земля фонтанировала от разрывов. Наши минометы били по противнику. Одна из мин прямым попаданием разворотила грузовик, разбросав гитлеровцев взрывом. В конце колонны горел «Ханомаг». Наверное, кто-то из красноармейцев забросал его гранатами или бутылкой с зажигательной смесью, а может, и мина попала. Там шла перестрелка. Посланные Левченко пехотинцы поддавали жару немцам с тыла.

– Сизов! Сивидов! К орудию! Огонь по легким танкам! – крикнув, Григоров обернулся к расчету орудия. Теперь он понял, обо что споткнулся.

Это было тело Сизова. Сержант лежал на спине. Его лицо было изуродовано и залито кровью. Крупный осколок от снаряда попал между бровей прямо под край каски. Сивидов сидел скрючившись возле левого колеса орудия и держался за шею. Его руки, лицо и одежда были в крови. Осколок от снаряда попал наводчику в сонную артерию, из которой пульсирующим фонтанчиком била кровь. Возле ящиков со снарядами ничком лежал заряжающий Вдовин. Пулеметная очередь прошла его насквозь.

Андрей увидел, что один из его бойцов, лежа на бруствере, стреляет из карабина по приближающемуся легкому танку. Поняв, кто это, Григоров крикнул:

– Мамедов! К орудию! По танкам из пушки надо, ты же артиллерист!

Солдат, обернувшись, посмотрел на него испуганными, ничего не понимающими глазами. При этом бросил карабин и что-то быстро начал говорить на своем языке, показывая на приближающийся танк. Андрей схватил его за одежду и толкнул к снарядным ящикам:

– Снаряды подавай! Мать твою!

Наконец поняв, что от него хотят, Мамедов бросился за снарядами. Григоров припал к пушке: «Эх, черт, доворота не хватает! Надо орудие переставить!» Обернувшись, он увидел, что возле орудия находятся еще двое его людей. Один был контужен и, сидя на земле, держался руками за голову, при этом раскачиваясь из стороны в сторону. Второй, молоденький боец, четыре дня назад попавший к нему во взвод из пехоты, поняв сложившуюся ситуацию, схватился за станину, пытаясь передвинуть орудие. К нему на помощь кинулся Мамедов. Григоров взялся за другую станину. Вместе они смогли передвинуть орудие в сторону двигавшихся вдоль леса танков. Даже не прицеливаясь, посмотрев только направление ствола, Андрей выстрелил из пушки. Первый танк, резко развернувшись на месте, остановился. Снаряд попал ему в задний каток слева. Но он, повернув башню, продолжал стрелять.

Мамедов загнал в ствол новый снаряд:

– Стреляй, командир!

Андрей снова выстрелил. Второй снаряд пробил немцу борт и взорвался в середине танка. Все, с этим кончено. Теперь второй. Услышав лязг затвора, Григоров понял, что пушка заряжена. Немного успокоившись, он начал наводить орудие на цель. Танкисты сообразили, что с верхушки холма по ним снова стреляет пушка, и открыли огонь. Вокруг орудия начала взрываться земля. Контуженный боец упал. Он был убит прямым попаданием небольшого снаряда, разворотившего ему грудь.

До танка оставалось не больше пятидесяти метров.

– На, держи, сука!

Пушка от выстрела подпрыгнула и встала на место. Снаряд угодил танку прямо в лоб, под башню, прошив его насквозь. Танк замер. И этот готов. Только вот пехота врага уже рядом.

– Мамедов, картель!

– Есть, командир! Готово!

Выстрел. Картель выкашивает, как косой, всю наступающую цепь противника. Оставшихся в живых немцев добивают своим огнем наши пехотинцы.

На левом фланге все немцы были перебиты. Вытерев пыль и пот с лица, Григоров посмотрел на дорогу и направо, в сторону второго холма. Левченко оказался молодцом, ему

удалось уничтожить Pz-IV. Пока немец наводил свою пушку на позицию, откуда подбили его гусеницу, и сделал в ту сторону пару выстрелов, бойцы второго орудия сменили позицию и ударили немцу в левый борт. Танкисты, пытавшиеся покинуть горящую машину, были перебиты очередями из немецкого же пулемета, припасенного старшим сержантом. Пулеметчик короткими очередями умело добивал мечущихся по дороге немногих оставшихся в живых немецких пехотинцев. Некоторые из них поднимали руки, но тут же падали, сраженные пулями. Пленные были не нужны. Девать некуда.

Все. Бой окончен. Выждав минуту, Григоров поднялся и оглядел позицию первого орудия. В живых из расчета осталось только двое: Мамедов и молодой боец.

– Как тебя зовут, боец, а то я запамятовал? Сколько тебе лет?

– Петр Петрушкин я, товарищ лейтенант. Месяц назад восемнадцать исполнилось.

– Понятно. Магомет, назначаешься старшим. Приведи лошадей. Наведите здесь порядок. Подготовьте орудие к транспортировке. Собери документы у убитых, потом отдашь. Когда орудие будет готово, расширьте и углубите этот окопчик. Наших похоронить надо.

К ним подошел младший сержант Осипов:

– Как, товарищ лейтенант, живы? А у меня в живых только семеро осталось. Помочь чем?

– Да. Дай людей орудие к перевозке подготовить. Потом надо будет могилу для погибших выкопать. Не оставлять же так.

– Есть, командир.

Оставив сержанта с Мамедовым организовывать подготовку орудия и погребение погибших, Григоров, подхватив свой автомат, так и не сделав из него ни одного выстрела, пошел на дорогу узнать, как остальные.

Так же, как и он, на дорогу стали выходить бойцы из второго расчета и красноармейцы Попова, напавшие на колонну с тыла. Сам Попов шел по шоссе от второго поворота в окружении своих бойцов. Его левое предплечье было наскоро перевязано, но на лице играла улыбка. Они встретились у стоявшего на обочине «Ханомага».

– Ну с победой тебя, тезка! Рад, что ты жив остался. А меня вот пуля-дура зацепила. Но ничего, заживет. Только шкурку с мясом содрала. Главное, кость цела.

– А кто у тебя так метко стреляет? Сразу офицера и пулеметчика одним выстрелом срезал.

– Есть у меня боец, Будаев. Из Бурятии, потомственный охотник. Да вон он стоит.

Вперед вышел небольшого роста худенький красноармеец. На его круглом лице сияла улыбка, и так узкие глаза были еще больше прищурены. Свою винтовку он держал не по уставному, а по-охотничьи, положив на левое предплечье.

– Моя, командира, белка глаз бить, чтобы шкурка не испортить. Глаз видна хорошо, блестит от солнца, однако. Не могу по-другому. Привычка, однако.

К ним подошел Левченко с двумя бойцами своего расчета.

– Молодец, командир! Три танка подбил! За это орден полагается. Видел я, как вас немец шинковал. Сколько наших погибло? Как сам себя чувствуешь?

– Четверо погибших. И Сизов, и Сивидов. У пехоты из охранения половина полегла. Оглушило меня малость, контузия небольшая. В груди что-то колет. Вы тоже танк подбили, да еще какой!

Левченко внимательно посмотрел на грудь Григорова, потом ему в лицо и серьезно сказал:

– А ты не хотел крестик надевать. Бог тебя сберег, для мамки. Посмотри сюда, лейтенант.

С этими словами Левченко взял в руки висевший на груди Андрея бинокль и поднес к его глазам. Одна из трубок бинокля была пробита небольшим осколком от снаряда. Осколок

застрял в трубке, меньшая часть его выходила с другой стороны. Она-то и колола Андрея в грудь, разорвав гимнастерку. На груди у Григорова было небольшое кровавое пятно.

– Еще бы пару сантиметров, и нет лейтенанта, – сказал один из бойцов второго расчета, Емельянов. – Бинобль можно выбросить.

– Ничего. Мы нашему лейтенанту германский подарим, с какого ихний офицерик нас разглядывал. Дозвольте, товарищ старший сержант?

– Давай, Тишко. Пошуруй там, в этой железяке, может, что полезное для нас найдешь. А ты, Емельянов, иди к первому оружию, помоги нашим собраться. Старшим над оружием пока побудешь. Мало их там осталось.

Емельянов, кивнув, пошел в сторону позиции первого оружия. Тишко, пятый номер второго оружия, невысокий коренастый шустрый парень, неофициальный ординарец Левченко, следующий за ним везде, подхватив в правую руку карабин, оббежал «Ханомаг» и залез в него через десантные двери.

– Товарищи командиры, – обратился к Попову с Григоровым Левченко, поправив на плече СВТ, – надо бы трофеи собрать, оружие и боеприпасы. Про харчи подумать, может, у немчуры есть что поджевать, они запасливые. А то своих-то маловато осталось. Может, кто из немцев раненый. С ними тоже вопрос решить надобно. наших погибших с честью похоронить. Что делать будем?

Попов с Григоровым посмотрели друг на друга. Одно дело бой вести, но совсем другое – думать, что дальше будет, к чему готовиться. Одно слово – молодежь. Им бы подвиги совершать, а за жизнь простую как-то недосуг подумать. Старый воин – мудрый воин. Левченко был прав, как всегда. Первым пришел в себя Попов. Развернувшись к своим бойцам, он приказал:

– Котов, Овчаренко, возьмите бойцов, обойдите место боя. Собирать оружие, боеприпасы, продовольствие и снаряжение. Место сбора возле этого бронетранспортера. Если где немец раненый лежит, добить. Пленные нам не нужны. наших раненых тоже сюда снесите. Мамонов, дуй за подводами и сюда подгоняй. Разведчикам скажешь, чтобы поехали назад по шоссе проверить, нет ли других немцев. Задача понятна? Вперед.

– наших погибших можно похоронить на позиции первого оружия. Там уже могилу ребята копают. Да и место хорошее. На холме, в стороне от шоссе. Снесите наших туда, – добавил Григоров.

Попов в подтверждение этих слов кивнул своим подчиненным. Красноармейцы, разбившись на группы, начали обходить убитых немцев, снимая с них оружие, подсумки с боеприпасами, проверяя ранцы, а кто-то и карманы, заодно снимая с рук часы и кольца. Бой боем, но военную добычу никто не отменял, хотя официально мародерство было запрещено.

– У тебя какие потери, Григорий Васильевич?

– Да вот, когда немец по мне палить из пушки начал, мы оружие с первой позиции успели убрать за холм, так этот гад умудрился попасть в лесок, где передок с лошадьми стоял. Блудова и одну лошадь насмерть. Так что оружие осталось без одного номера и частично без конной тяги. Остальные все целы. Надо что-то думать, командир.

Вдруг внутри «Ханомага» раздались ругательства и звуки ударов:

– Ах ты, курва немецкая! А ну вылазь, швайне, мутер, трах тебя! Чего спрятался!

Все, кто остался стоять рядом с «Ханомагом», вскинули оружие, направив его на бронетранспортер. В десантном отделении показался Тишко, он держал кого-то за шиворот и толкал перед собой. Они спрыгнули на дорогу и вышли из-за открытых дверей. Перед Тишко стоял чуть выше его ростом, пухлый, на вид лет около сорока немец. Его короткие рыжеватые волосы прикрывала маленькая пилотка (по сравнению с размером головы), мундир был расстегнут, ремень отсутствовал. Увидев наставленное на него оружие, немец быстро под-

нял руки вверх. Его крохотные, похожие на поросычьи глаза забежали и быстро заморгали. Тишко толкнул немца прикладом в спину, в сторону командиров:

– Як его, в расход или как, товарищи командиры?

Увидев грозные лица советских командиров и направленные на него автоматы, немец завопил:

– Нихт шиссен, герр офицер, нихт шиссен! Их бин дойче коммунист. Ротфронт. Гитлер капут. Сталин гут. Не стреляй, товариш. Их бин водить «Ханомаг». Их нихт шиссен русиш зольдатен.

– Что он говорит?

– Просит, чтобы не расстреливали. Говорит, что он немецкий коммунист. Водитель этого бронетранспортера. В наших, говорит, не стрелял, – перевел для всех Григоров. Хотя немецкий он знал только на уровне школьной программы, но догадался по смыслу слов.

– Водитель, говоришь... Отдайте его мне, товарищи лейтенанты. Если не брешет и бронетранспортер целый, он мою пушечку возить будет, – подойдя к командирам, попросил Левченко. Затем, повернувшись к немцу, спросил: – Как зовут тебя, поросенок немецкий? Имя, имя назови?

– А? Майн нейм? Я, я! Ханс Штольке. Хамбург. Де майн фрау инд цвай киндер верен. Кляйне киндер! Их бин ермен мен. Нихт шиссен, герр офицер, нихт шиссен!

– Ганс Штольке его зовут. Он из Гамбурга. Там у него жена и двое детей остались. Дети еще маленькие. Он бедный человек. Еще раз просит не расстреливать.

– С такой-то рожей, и бедный! Ладно, старший сержант, бери его себе. Была у тебя тяга конная, теперь будет бронетранспортерная. Да и переодень его в красноармейскую форму, а то наши ненароком пристрелят, – разрешил Попов.

Все вокруг улыбнулись. Немец тоже неуверенно заулыбался, правда, ничего не понял. Левченко, хлопнув в ладоши, потер их, даже крикнул от удовольствия.

– Тишко, теперь ты мне за этого Ганса головой отвечаешь. Найди ему гимнастерку побольше, пилотку нашу дай. Всюду ходи за ним, даже на горшок.

Андрей взял немца за рукав и указал ему на «Ханомаг»:

– Ганс, ком, арбайтен. Мотор.

Немец аж подпрыгнул, встал по стойке «смирно» и гаркнул со свинячьей радостью на лице:

– Яволь, герр офицер!

– Тишко, отведи немца к двигателю, пускай все проверит. А я с товарищем лейтенантом внутри посмотрю. Пойдем, лейтенант, осмотрим трофеи.

К ним подъехали две подводы. С одной соскочил красноармеец, подбежав к Попову, доложил:

– Товарищ лейтенант, полк на связи. Но плохо слышно.

– Хорошо. Я к рации. Тезка, командуй тут сам.

Развернувшись, Попов вместе с прибывшим бойцом побежал за поворот.

К «Ханомагу» начали подходить красноармейцы и складывать в кучу оружие, амунизию, боеприпасы и другое, так необходимое на войне имущество. Несколько человек пронесли на холм двоих наших убитых бойцов из засадной группы. К подводам подвели шестерых раненых, затем четыре бойца на плащпалатках по очереди притащили двоих тяжело раненых. От поворота красноармейцы доставили на холм еще двоих убитых. В братскую могилу положили и Блудова.

Григоров с Левченко залезли в бронетранспортер.

– Вот, командир, тебе новый бинокль. Немецкий, хороший, оптика лучше нашего будет. Давай этих завоевателей разоружим да выбросим отсюда. Наше теперь это хозяйство.

Андрей подошел к немецкому офицеру. Это был светловолосый мужчина лет тридцати с холеным лицом. Его голова была прострелена навывлет, в правой глазнице зияла кровавая дыра, а ползатылка не было. Рядом с ним, тоже с дыркой в глазнице и разбитой головой, распластался пулеметчик. Дно десантного отделения было покрыто уже подсохшей кровью. Сняв с убитых ремни с подсумками и кобурой, затем, немного брезгуя, с осторожностью подхватив немцев за руки и ноги, выкинули тех через десантный проем в корме на дорогу. Перед этим Левченко проверил их карманы и забрал документы. Когда другие немцы придут, своих сами хоронить будут. Не гостями к нам пожаловали, а захватчиками. Здесь не до сантиментов.

Левченко поднял офицерский ремень и вытащил из кобуры пистолет:

– Вальтер. Хорошая машинка. Бери, лейтенант. Пригодится. Чем больше у тебя оружия и патронов будет, тем больше проживешь и этих гадов на тот свет отправишь. А я себе парабеллум возьму, тоже вещь неплохая, но побольше размерчиком. Это мы сюда удачно зашли...

Кругом, куда ни посмотри, были различного размера ящики и мешки. С патронами, с гранатами, с консервами, один ящик даже с коньяком. Осматривая какой-то мешок, Андрей вытащил из него настоящую саблю в ножнах, обмотанную плечевой портупеей:

– Васильевич, смотри, сабля! Как раз для тебя подарок.

– Это не сабля, лейтенант, а шашка. Причем офицерская, драгунская. Наша, еще царская. Видишь, герб царский, гарда небольшая с защитной дужкой и ножны деревянные, кожей обтянутые, кольца с выпуклой стороны. Портупея плечевая. Шашку на плечевой носят, а саблю на поясной. Саблей только рубят, а шашкой можно и рубить, и колоть, и подрезать. Наверное, какой-то музей, гад, ограбил. Спасибо, лейтенант, за подарок. Но я же пластун. А нам шашки не положены. Возьми ее себе. Я тебя потом научу, как ею владеть.

– Спасибо, Васильевич. Но не знаю, получится у меня или нет. А вон, смотри, немецкая снайперка. – Андрей взял в руки карабин «Маузер-98» с оптическим прицелом. – Ну хоть от этого подарка не откажись.

– А что, и возьму. Теперь у меня две снайперки будет. Теперь я в два раза больше немцев бить буду.

К «Ханомагу» подошел боец с немецким пулеметом на плече и винтовкой за спиной. Андрей его узнал, тот прикрывал оружие Левченко.

– Товарищ старший сержант, куда мне теперь податься? Наш взводный сказал, чтобы я с вами постоянно был.

– Как звать, боец?

– Красноармеец Громыхало. Виктор. Второй взвод третьей стрелковой роты.

– Молодец, красноармеец Громыхало. Хорошо из пулемета стреляешь. Фамилия у тебя подходящая. Значит, теперь будешь не пехотинцем, а артиллеристом. А пока назначаю тебя пулеметчиком на этой машинке. Залазь сюда и готовь свое оружие.

Громыхало важно обошел бронетранспортер, поставил в десантное отделение пулемет и залез сам. Григоров вылез на дорогу. К нему подбежал боец, увешанный оружием, нашим и немецким:

– Товарищ лейтенант, разрешите доложить. Там, на дороге, грузовик почти целый стоит. Только борта пулями побиты. Я шофером раньше был. Попробовал его завести, двигатель работает, и колеса целые. В кузове много ящиков с патронами и гранатами. Вот бы его взять. Я по обочине сюда проехать могу.

– Молодец. Давай, действуй. Мы в него весь наш груз поместим.

Солдат, сбросив оружие в общую кучу, побежал к грузовику.

Красноармейцы уже перестали ходить по месту боя. Собрали все, что возможно. Они убрали разбитые мотоциклы с дороги, кстати, один оказался целым, пули посекали только пассажиров, затем побросали в кювет трупы немцев. Часть бойцов ушла на позицию первого

орудия хоронить наших погибших. Кто-то остался возле бронетранспортера. Один из красноармейцев завел уцелевший мотоцикл и попытался на нем проехать до поворота. Оттуда скорым шагом появился Попов. Он подскочил к мотоциклу, сев сзади водителя, и приказал ехать к «Ханوماгу».

– Андрей! Получен приказ из штаба полка. Срочно свернуться и идти за Дитятки. Там занять оборону на северной окраине села. Немцы захватили Горностайполь и переправу. Мы оказались отрезанными от Днепра. Остатки полка отступают в нашу сторону. Будем прорываться на север, в леса. Дальше связь оборвалась. Было слышно, что бой ведут. Так что давай в темпе грузиться и ходу отсюда.

– Подожди. Надо наших погибших похоронить и честь им отдать, – ответил Григоров. Его поддержал Левченко:

– Да, товарищ лейтенант. Не по православному это. Погибших хоронить не отпевши. Не помянув. Грех ведь. Да и с утра не жравши... Голодный солдат – плохой солдат.

– Да я все понимаю, мужики! Но обстоятельства таковы, что медлить нельзя. Потом и отпевать, и поминать будем. И пообедаем. А сейчас надо выполнить приказ. А то нам потом самим по головушке попадет, – с сожалением в голосе ответил Попов. – А это что за чудо?

По обочине к ним приближался немецкий грузовик. Это был тентованный трехтонный «опель-блиц». За рулем сидел наш красноармеец. Следом за ним скакали разведчики.

– Наши нашли исправную машину. Туда все добро погрузить надо, – пояснил Григоров Попову, затем повернулся к Левченко: – Быстрее орудие из леса и цепляй его к бронетранспортеру.

– Красноармеец, – крикнул Попов стоявшему рядом бойцу, – пулей лети на тот холм и скажи всем, чтобы побыстрее заканчивали. Всем на шоссе. Уходим. Старший сержант, берите моих людей, пушку перетащить. Андрей, что твой немец? Заводи!

Левченко, выскочив из бронетранспортера, прихватив с собой несколько бойцов, побежал с ними к холму за орудием. Красноармейцы, подгоняемые Поповым, быстро забрасывали в подъехавший грузовик собранное оружие, боеприпасы и другое имущество. Немец вместе с не отстающим от него ни на шаг Тишко, уже переодетый в старую выцветшую красноармейскую гимнастерку, только брюки и сапоги свои, забрался в «Ханомог», завел его и по команде Григорова, тоже севшего в бронетранспортер, проехал вперед с десятков метров. За пулеметом гордо стоял Громыхало.

Прибывшие разведчики доложили, что на одной из дорог, перед развилкой, стоит большая немецкая колонна. Бронетранспортеры, танки, грузовики с пехотой и с пушками. Но никаких действий не предпринимают. Даже охрану не выставили. Обедают. Война войной, а обед по расписанию. Немец – мужчина пунктуальный.

– Ну если обедают, то у нас есть еще полчаса времени. Сматываемся отсюда, пока нас не прихлопнули. С этими нам не справиться, – крикнул Попов, затем сел в коляску мотоцикла, поправив пулемет, положил на ноги свой ППД. На заднее сиденье запрыгнул боец, вооруженный трофейным автоматом.

Обратившись к своим сержантам, Попов приказал:

– Котов! Сажай бойцов в грузовик. Будете ехать последними. Выставь пару пулеметов в кузове, тыл прикрывать. Овчаренко! С остальными, вместе с подводами, собираешь всех по пути, и вперед по шоссе. Я буду мотаться по дороге и всех подгонять. Разведка, Семенов, пока остаётся здесь, за этим холмом. Смотрите на дорогу. Как появятся немцы, сразу ко мне. Они тут наши завалы пока разберут, мы далеко сможем уйти. Пункт сбора – северная окраина села Дитятки. Все. Действуйте.

Выскочившие из леса бойцы во главе с Левченко чуть ли не на руках вынесли орудие на шоссе и прицепили его к бронетранспортеру. Следом за ними на дорогу вышла лошадь с передком второго орудия. Теперь, без орудия, лошадка одна могла легко везти боезапас,

большую часть которого быстро перегрузили в «Ханомаг». На передке сидел боец из расчета второго орудия. Оставшийся расчет и помогавшие им красноармейцы по приказу Левченко разместились в десантном отделении «Ханомага». Рядом с пулеметом на месте убитого немецкого офицера встал Григоров. Он видел, как с его холма на шоссе спустилась пара лошадей, везущая передок с зарядным ящиком и орудием, за ними на дорогу выбегали красноармейцы. Мотоцикл с Поповым рванул с места. Григоров тоже дал команду Гансу начать движение. «Ханомаг» дернулся, затем плавно начал набирать скорость, обгоняя подводы с ранеными и бегущими рядом красноармейцами. Последним начал движение «опель» с оружием и с пулеметчиками.

И только два человека остались стоять над свежей братской могилой, сняв пилотки. Их лошади были привязаны рядом, в лесу.

Бойцы Григорова и Попова покидали это поле боя победителями. С потерями, но победителями. Уничтожив больше сотни гитлеровцев и четыре танка с экипажами, сами потеряли шестнадцать убитыми и восемь человек ранеными. Один к пяти – хороший счет. Войны без потерь не бывает.

Колонна шла ускоренным шагом. Сзади подпирал немец, впереди была неизвестность.

«Ханомаг» вырвался вперед, опередив шедшие за ним повозки и пеших красноармейцев на несколько сот метров. Попов на мотоцикле укатил дальше, ища место встречи с остатками полка.

Впереди показалась окраина села. При приближении пассажирам «Ханомага» открылась страшная картина нападения немецких самолетов на мирных беженцев. Дорога и обочина были покрыты трупами людей и животных, разбитыми автомобилями и повозками. В нескольких местах на дороге и по обочинам виднелись воронки от бомб.

«Ханомаг» снизил скорость, потихоньку объезжая лежащие на шоссе трупы и воронки. Все находившиеся в бронетранспортере встали и обнажили головы. Одно дело – убитые солдаты, война есть война, а совсем другое – мирные люди, старики, женщины и особенно дети. Кто-то был отцом, кто-то сыном или братом. Эта картина никого не оставила равнодушным. На глаза наворачивались слезы, перехватывало горло. И крепче сжимались кулаки и зубы. Мы отомстим за вас!

Один из бойцов бросился к водителю с ножом в руках:

– Ну, сволочь немецкая, не жить тебе! За всех ответишь!

– Стоять! Назад! – кинулся ему наперерез Левченко. Умелым движением он выхватил нож и опрокинул взвинченного бойца. – Наш немец их не убивал. Это летчики постарались. Если мы Ганса отправим на тот свет, кто эту железяку вести будет, ты, что ли?

– Ганс! Стой! Хальт! – скомандовал Григоров. – Дальше проехать не сможем. Надо дорогу расчистить. Громыхало, остаешься с немцем. Остальные – на шоссе.

У одной из воронок лежал на спине виденный ранее Андреем усатый безрукий воспитатель детдомовцев. Вся гимнастерка на груди была порвана и пропитана кровью, ноги неестественно вывернуты. Возле него, словно пытаясь спрятаться за спину своего воспитателя, лежали трое детдомовцев: два мальчика и девочка, посеченные осколками. Чуть дальше на дороге – опрокинутая тележка на высоких железных колесах. Возле тележки, прикрывая всем своим телом внука, сидел седой старик. Через всю его спину прошла пулеметная очередь. Под ним и внуком натекла большая лужа крови. Рядом круглая шапочка с лентой. Серебряные буквы «КРАСИН» превратились в бурые, от крови.

Бойцы осторожно сносили трупы в сторону, освобождали дорогу от тачек и телег. Кое-где пришлось, взяв лопату с «Ханомага», засыпать землей воронки.

Пройдя немного вперед, Андрей увидел девушку в сиреновом платье. Понятно было, что она не успела слезть с велосипеда и взрывной волной ее отбросило на обочину. Вело-

сипед остался между ног, а край платья задрался кверху, обнажив красивые девичьи ноги. Белая косынка слетела с головы, открывая длинные светло-русые волосы, заплетенные в две толстые косы и закрепленные снизу на затылке.

– Эх, хороша девка! Жалко, убили ее, а то я бы с ней занялся... – проговорил какой-то красноармеец и тут же получил подзатыльник от Левченко.

– Заткнись, а то я тебе сейчас яйца поотрываю да башку твою дурную сверну. Скажу, что так и было.

– Товарищ старший сержант, смотрите! Живая она! Рукой и головой пошевелинула!

Левченко и Тишко подбежали к девушке. Старший сержант осторожно приподнял ее голову, другой рукой поправил платье, прикрыв ноги:

– Тишко, фляжку давай.

Тишко, скоро отстегнув свою фляжку и открутив колпачок, протянул ее Левченко. Старший сержант, смочив жидкостью губы девушки, осторожно влил ей несколько капель в приоткрывшийся рот. Девушка сделала небольшой глоток, после чего резко дернулась и открыла глаза, затем, приподнявшись, начала кашлять. Непонимающе и испуганно она оглядывала окруживших ее людей.

Левченко недоуменно посмотрел на Тишко:

– Что у тебя там было?

– Як що? Горилка!

– Вот балда. Воды быстро давай. Воды!

Тишко кинулся к красноармейцам, протянув им несколько фляг. Выпив немного воды, девушка пришла в себя.

– Ну как, жива, дочка? Цела? Ранений нет?

– Жива, дядечка. Спасибо вам. Вроде бы не зацепило. Только голова кружится и тошнит немного. Ногу правую, наверное, подвернула. А вы кто будете?

– Цела – это хорошо. А голова кружится и тошнит – это контузия. Взрывной волной тебя с дороги сбросило. Мы свои, дочка, нас не бойся. А зовут-то тебя как, красавица? Как ты здесь оказалась?

– Оксана. Марченко я. Сама из Коростеня. В этом году школу закончила, хотела в медицинский институт поступать. А тут война началась. Немцы пришли. Меня мама к бабушке отправила, в село. Да не успела я. Все отступать начали, вот и я вместе со всеми. Теперь хочу в Сумы к тетке родной добаться.

– А батько твой где?

– Тато воюет. С первых дней в армию забрали. Где сейчас они с мамой, не знаю... – Девушка заплакала, вытирая слезы снятой косынкой.

– Товарищ лейтенант, – обратился к Григорову один из бойцов, – дорога свободна. Можно ехать.

– Хорошо. Все по местам. Основная колонна уже подходит, – крикнул бойцам Григоров, затем обратился к Левченко: – Григорий Васильевич, девушку в бронетранспортер, не бросать же ее здесь. Тишко, возьми ее корзину.

Старший сержант одобрительно посмотрел на Андрея, затем осторожно поднял девушку на руки и понес к бронетранспортеру. Тишко по-хозяйски, достав нож, перерезал бельевую веревку, забрав ее и корзину, также двинулся к «Ханомагу».

Погрузившись в бронетранспортер, из-за нехватки свободного места все, кроме девушки, стояли или сидели на бортах, Григоров приказал Гансу продолжить движение. К месту бомбежки стала подходить отставшая небольшая колонна. Замыкающим в ней ехал немецкий грузовик с нашими пулеметчиками.

Прошли село, вытянувшееся вдоль шоссе и имевшее всего одну улицу. Во дворах не было видно людей. Только кое-где из окон выглядывали испуганные лица местных жителей.

Возле последней хаты на скамеечке сидел старый дед, одетый в порванную фуфайку и с фуражкой на голове.

– Доброго дня вам, диду! Где здесь у вас дорога в сторону через лес идет?

– Здоровеньки булы, диточки! А вон тамо, за колодезем. Як дойдешь, то побачишь.

Махнув деду на прощание, Григоров приказал Гансу ехать в направлении видневшегося на окраине села колодезного «журавля». Возле него собрались оставшиеся в живых после нападения самолетов беженцы, в основном женщины с детьми. Кое-где стояли подводы, хозяева поили лошадей. Особенно выделялся своей статью одетый в темную рясу священник с черной с проседью бородой и большим, болтающимся на цепочке блестящим крестом на груди, он поправлял лошадиную упряжь. На телеге сидели несколько детдомовцев. Рядом стояли остальные, а также две монахини с уставшей, заплаканной воспитательницей. Отдельной группкой расположились чужие красноармейцы, шедшие в толпе беженцев.

Проселочная дорога узкой лентой уходила в густой лес. Возле поворота стоял красноармеец Попова с трофейным автоматом и махал им рукой. На повороте застряла, загородив движение, полуторка ГАЗ-АА с доверху набитым кузовом, прикрытым брезентом. Вокруг нее бегал лысый пузатый дядька, одетый в полувоенный френч, и что-то кричал водителю, пареньку лет восемнадцати, который стоял у открытого капота и с непонимающим видом чесал затылок.

По шоссе с востока протарахтел мотоцикл. Выскочивший из коляски Попов, подбежав к остановившемуся «Ханوماгу», крикнул:

– Тезка, я наших встретил. Сюда идут. Мало их осталось. Командир полка ранен. Комиссар убит. Начальник штаба всех сюда ведет. Минут через десять будут здесь. Давай очисти дорогу, и в лес. Выставь здесь пост, чтобы всех заворачивали в лес. Все. Я за своими.

Махнув рукой, Попов запрыгнул в коляску, и мотоцикл умчался к появившейся колонне его роты с первым оружием. Из бронетранспортера на дорогу стали выпрыгивать красноармейцы. Некоторые направились к колодцу за водой.

– Громыхало, бери пулемет с запасной лентой и занимай позицию возле въезда в лес. Вон у поваленного дерева. Григорий Васильевич, выставьте двух бойцов на повороте. Будут регулировщиками. Ганс, посмотри, что с той машиной, – раздал указания Григоров, затем, что-то вспомнив, добавил вслух: – Вот черт, не знаю, как по-немецки сказать-то, чтобы посмотрел он чужую машину.

– Я сейчас ему переведу, – произнесла спасенная девушка. – Я немецкий знаю. В школе хорошо училась. Да и соседи у нас немцы были. Из Германии, коммунисты. У них дочка была, Марта. Я с ней дружила, вот и выучила.

Девушка что-то быстро проговорила по-немецки и показала Гансу на застрявший автомобиль. Немец заулыбался, понятиво покачал головой и, взяв какой-то небольшой ящичек, вылез наружу. За ним сразу же последовал Тишко. Следом выскочил из бронетранспортера Григоров. Увидев приближающегося к нему командира, пузатый дядька, вытерев лысину большим белым платком, прижимая к животу такой же пухлый портфель, побежал навстречу:

– Здравствуйте, дорогие мои товарищи, – быстро заговорил он. – Извините нас, заминочка вышла. Водитель у меня молодой, неопытный, вот машину и поломал. Груз уж больно ценный, документы и имущество райкома партии. Я Дрынько Осип Давыдович, заведующий хозяйством райкома. Вот по распоряжению партии и эвакуирую все. Помогите, пожалуйста. Не бросайте нас.

Ганс заглянул под капот и осмотрел двигатель. Затем жестами приказал водителю завести автомобиль. Паренек, весь измазанный маслом, попытался это сделать, но ничего не получилось. Немец что-то грубо сказал по-своему, открыл ящичек и принялся колдовать над мотором.

– Это что, немец? – испуганно спросил Григорова Дрынько. – Пленный?

– Да, пленный немец. Но это наш немец. Тоже коммунист. Так что не бойтесь.

К ним уже приблизилась отставшая колонна. Пешие красноармейцы пошли к колодцу, а первое орудие вместе с лошадьми и свободным передком от второго, подводами с ранеными, минометами и пулеметами расположились сзади «Ханомага». Последним встал грузовик с оружием и боеприпасами. Бойцы приветствовали друг друга. Кто-то собирался перекусить, кто-то, подойдя к беженцам, пытался заговорить с ними.

Подъехал на мотоцикле Попов.

– Ну что там, долго еще? А то скидай эту колымагу в сторону и вперед. Полк уже на подходе, – сообщил он Андрею.

– Да вот, дядька говорит, что там ценный груз. Партийные документы и все такое. Сейчас у Ганса спрошу, – ответил ему Григоров и обратился к немцу: – Ганс, вас?

– Я, я, герр офицер. Аллес. Зер гут, – встав по стойке «смирно», доложил немец и показал водителю, чтобы тот заводил машину.

Паренек с недоверием подошел к автомобилю и с первого раза завел его. Радостный Дрынько бросился трясти руку сначала Григорову, затем Попову и, наконец, немцу.

С востока на шоссе показалась небольшая колонна. Впереди ехал мотоцикл с коляской, далее два грузовика ЗИС-5, затем ряд подвод с идущими рядом красноармейцами. Среди них выделялись своими зелеными запыленными фуражками несколько пограничников, возле одного из них на поводке, с высунутым языком бежала большая овчарка. Замыкал колонну трехтонный ЗИС-5 с расположенной в кузове зенитной установкой из четверки спаренных пулеметов «максим».

В это время в небе с запада послышался самолетный гул. Раздалась команда: «Воздух! Всем в лес!»

– Ганс! Шнель! – крикнул Григоров немцу, показывая рукой на бронетранспортер. Сам, подбежав к полуторке, приказал испуганному водителю: – Быстро дуй в лес. Проедешь метров триста и встань под деревьями. Мы сейчас там будем.

Левченко с бойцами расчета, а также Ганс с Тишко запрыгнули в «Ханомаг».

Услышав команду, молодой водитель нажал на педаль, и полуторка рванула в лес, чуть не потеряв по дороге не успевшего закрыть дверь Дрынько. За грузовиком начал движение бронетранспортер, а следом за ним и все остальные. Когда показались самолеты, это была четверка «Юнкерсов-87», прикрываемая двумя «Мессершмиттами-109», большая часть колонны уже въехала в лес. Пешие красноармейцы также бежали под защиту чащи. За военными бросились беженцы, толпясь и мешая друг другу, подгоняя лошадей и другую свою животишку. Оставшиеся Попов с Григоровым попытались навести хоть какой-то порядок, но все было тщетно. Их самих чуть не задавили. Страх за жизнь делает из нормальных людей неуправляемую толпу, которая готова затоптать любого, лишь бы спастись.

В небе послышался душераздирающий вой пикирующих «юнкерсов». Основной их удар пришелся на приближающуюся колонну остатков полка. Перед следующим впереди мотоциклом разорвалась бомба, наповал убив водителя, и машину кинуло на обочину. Пассажир, сидящий сзади, успел соскочить и бросился в лес. Еще одна бомба упала возле подвод, взрывом перевернув одну из них. Осколками убило лошадей и находившихся в подводах раненых, а также идущих рядом красноармейцев. Несколько бомб упало в стороне, на обочине. Немцы устроили в воздухе настоящую карусель. Пока двое атаковали шоссе, другие делали новый разворот. С остановившегося последнего ЗИС-5 по немецким самолетам била четверка зенитных пулеметов.

– Андрюха! Давай к лесу! – крикнул Попов Григорову, одновременно подгоняя задержавшиеся подводы с беженцами и бегущих рядом людей.

Оглядевшись по сторонам, Григоров увидел, как красноармеец, Андрей узнал его – тот был возле первого орудия в бою, – большой парень в тельняшке, поставив свой пулемет Дегтярева на колодец, стрелял очередями по самолетам. То же самое делал из своего немецкого пулемета Громыхало, залегший возле леса. Кто из них попал, было непонятно, но один из «юнкерсов» вдруг загорелся, завалился вправо и упал в лес. Раздался взрыв. Находившиеся на шоссе не останавливались, они продолжали движение. За исключением ЗИС-5 с зенитной установкой, которая открыла огонь по пикирующим «юнкерсам». Вот взорвался второй «лаптежник». Испугавшись потерь, немцы прекратили атаку и повернули на запад. Истребители напоследок прошлись очередями по отстреливающимся красноармейцам. Выждав немного, бойцы погрузили убитых товарищей в оставшиеся подводы, чтобы затем похоронить лесу.

К стоявшим на въезде в лес Попову и Григорову подъехала первая машина. Из кабины выскочил начальник штаба полка капитан Бондарев:

– Здорово, мужики! Немчура сволочная, не дала спокойно доехать до вас. Как обстановка?

– Здравия желаем, товарищ капитан! – козырнув, поприветствовал за обоих Попов. Назначенный старшим арьергарда, он доложил начальнику штаба о проведенном утром бое с немцами и захваченных трофеях, а также об имеющихся потерях. Сообщил, что за ними по шоссе следует большая колонна немцев с танками и артиллерией. – А как там у вас было, товарищ капитан? Мы сильный бой слышали.

– Плохи дела у нас, товарищи лейтенанты. Не успел наш первый эшелон подъехать к Горностайполю, как к нему подошли и немцы. Большая колонна танков и мотопехоты. Часть пошла в атаку на нас, а часть ушла к переправе. Тяжелый был бой. У нас большие потери. Всю артиллерию потеряли. От полка меньше роты осталось. Комиссар полка погиб. Командир полка получил ранение в ногу и контужен. Вон в кузове лежит с другими ранеными. – При этом Бондарев показал рукой на автомобиль. – С нами отошли также прикрывавшие Горностайполь остатки пограничного отряда войск НКВД, охранявшие тылы армии. Так что Горностайполь захвачен противником, и мы отрезаны от переправы и от Киева. Одна надежда осталась – пробиться на север. Вроде бы переправа у Чернобыля наша еще. Надо только туда дорогу найти. По карте похоже, что эта туда ведет, но проверить не мешает.

Бондарев приказал водителю двигаться вперед, в лес. Машина тронулась по хорошо укатанной дороге. Вслед за ней потянулись остальные. Возле командиров остановился замыкающий колонну ЗИС-5 с зенитной установкой. Из кузова спрыгнул заместитель командира полка по связи старший лейтенант Дулевич:

– Здорово, орлы! Это кто из ваших первого «юнкерса» завалил и со мной соцсоревнование устроил, а?

– Так это ты был у нас за зенитчика? Молодец! Вовремя огонь открыл! – сказал связисту Бондарев.

К командирам подошли Громыхало с немецким пулеметом и красноармеец в тельняшке с ручным Дегтяревым. Переглядываясь, они козырнули и доложили старшему по званию:

– Товарищ капитан! При нападении авиации противника, – тут они снова посмотрели друг на друга, – нами ответным огнем уничтожен один «лаптежник».

Бондарев, улыбнувшись, оглядел красноармейцев, Громыхало был на две головы меньше морячка, и проговорил:

– Обоих представлю к правительственной награде. Оба молодцы. Как зовут-то?

Засияв от похвалы, бойцы отрапортовали:

– Красноармеец Громыхало Виктор.

– Краснофлотец Роговый Василий.

– А почему краснофлотец-то?

– А я с Пинской флотилии. Мотористом на катере был. А как ранили, в госпиталь попал, а из госпиталя к вам в полк направили.

Со стороны шоссе слышался топот копыт. К разговаривающим у грузовика приблизились два всадника.

– Разрешите доложить, товарищ капитан. Сержант Семенов, разведка. По шоссе с запада движется колонна немецких танков и бронетранспортеров, пехота и артиллерия. Скоро будут здесь.

– А что, они там своих не остались хоронить? – удивленно спросил у разведчиков Попов.

– Нет, товарищ лейтенант. Они как дорогу расчистили, сразу же вперед двинулись. Видно, есть у них в тылу, кто такими делами занимается.

– Так. Забираемся, ребята, в машину. И отсюда на север. Разведка, остаётся. Как немец появится, в лесу укройтесь. Посмотрите, что делать будут. Если кто из них сюда сунется, пулей к нам. Пока возьмите ветки и заметите следы. Все. Выполняйте, – приказал Бондарев.

Начальник штаба сел в кабину, а остальные запрыгнули в кузов. Автомобиль покатиł по лесной дороге. Всадники спешили, наломали веток, замели следы. После чего спрятались в лесу, рассматривая в бинокль обе стороны шоссе.

Проехав вперед, ЗИС-5 нагнал спрятавшуюся в лесу колонну. Григоров, постучав по кабине, вместе с Громыхало выскочили возле «Ханомага», а Попов с Роговым ушли к своей роте. Всю технику и подводы поставили вплотную к деревьям, люди попрятались в лесу. В такой глуши увидеть их с воздуха было практически невозможно. Разве только узкую ленту дороги. Темнело. Идти дальше по неизвестной дороге уставшим, голодным и изможденным людям было тяжело. Необходим был короткий отдых на сон и прием пищи. Бондарев приказал собрать всех командиров в голове колонны. Подошли несколько человек. Среди них были лейтенанты Григоров и Попов, начальник связи старший лейтенант Дулевич, командир роты из второго батальона старший лейтенант Коваленко, комиссар второго батальона политрук Жидков, незнакомый старший лейтенант-пограничник, а также никому не известный лейтенант со звездой политсостава на рукаве – это он ехал впереди колонны на мотоцикле и после взрыва бомбы остался в живых. На вид ему было около двадцати пяти лет. Вот и весь командный состав, оставшийся от стрелкового полка, штатная численность которого до войны составляла около трех тысяч человек.

– Товарищи командиры! – объявил Бондарев. – Командир полка пока без сознания, так что полком временно командую я. Мы попали в тяжелую ситуацию. Полк практически разбит, но мы сохранили знамя полка. Значит, полк как боевая единица существует. С запада и с востока мы зажаты противником. Отрезаны от переправы через Днепр на востоке. Но выход есть. Прорываться на север, к переправе через реку Припять у Чернобыля. Судя по всему, мост еще наш. Однако состояние личного состава и лошадей не дает нам возможности двигаться ночью. Тем более что с нами беженцы. Люди и животные устали. Необходим кратковременный отдых. Какие будут предложения?

– Разрешите, товарищ капитан? – Вперед выступил старший лейтенант-пограничник, поправив на плече автомат ППД. – Командир маневренной группы пограничного отряда старший лейтенант Бажин Иван Михайлович. Товарищи, как мне стало известно, где-то в этом районе расположен армейский склад. У меня старшина там получал боеприпасы и продовольствие. Он знает дорогу. Может быть, туда пойдем? Боеприпасами пополнимся, и люди отдохнут.

– А что, это мысль. Отдохнем, а с утра в путь, по тропам Полесья, – поддержал пограничника Дулевич.

Вперед вышел политрук Жидков:

– Товарищи командиры, вы меня удивляете. Среди нас много гражданских. Вон лейтенант Григоров даже немца живого с собой тащит. А как же военная тайна? Ведь кругом нас враг! Может быть, этот склад оставлен для диверсионной работы в тылу противника. Умнее надо поступать.

– Что, лейтенант, уже успел кто-то раньше тебя замполиту доложить? – спросил Григорова начальник штаба. Потом, повернувшись к Жидкову, проговорил: – Да не бойтесь вы за немца, товарищ политрук. Это я разрешил Григорову немца живым оставить. Кроме него, никто из наших бронетранспортер водить не умеет. Да и коммунист он вроде бы. Правда, Григоров?

– Так точно, товарищ капитан. Коммунист. Он у меня под надежной охраной находится. И переводчик имеется. Нам без него тяжело будет оружие транспортировать. А фашистов он ненавидит и нам охотно помогает, – соврал Андрей для пушей убедительности, при этом мысленно поблагодарив Бондарева за поддержку и гадая, кто же сдал его замполиту. «Вот неприятности на свою задницу нашел!»

– Хорошо. Приказываю. Старший лейтенант Бажин, берите своего старшину и идите в голову колонны. Ищите склад. Мы следом за вами. При движении не растягиваться, дистанция не более пяти метров. По пути помогайте беженцам, намаялись люди. Если кто устал, сажайте на наш транспорт. Мы должны все быстро отсюда уйти. Григоров, на своем бронетранспортере идешь следом за пограничниками. У тебя пулемет есть и свет хороший. А то скоро темно будет. Немец ночью не воюет. Попов, ты со своими бойцами в арьергарде. Только раненых вперед передай, в роту Коваленко. Жидков, остаётся с Поповым. Похороните убитых. Потом за нами. Все. По местам. Начало движения через десять минут.

Григоров хотел было пойти к своим, но его подозвал к себе Бондарев. Возле начальника штаба остался стоять неизвестный политработник.

– Вот лейтенант Григоров, командир противотанковой артиллерийской батареи, – представил Андрея начальник штаба. – Это по твою душу, лейтенант. Познакомься, это товарищ сержант государственной безопасности из особого отдела армии, он к тебе. Ну вы здесь разбирайтесь сами, а я пойду колонну к выходу готовить.

В алых петлицах сержанта-гэбиста были такие же два кубика, как и у Андрея, простого армейского лейтенанта, но по своему статусу сержант ГБ получал денежное содержание вдвое больше, чем армейский старший лейтенант, а также имел ряд других привилегий. Звание сержанта ГБ относилось к среднему командному звену.

У Андрея похолодело на душе, спина покрылась потом, быстро застучало сердце, шум от этого стука бил по ушам. В дивизии много ходило слухов об особом отделе НКВД армии: кто к ним попадал, назад в свои подразделения уже не возвращался. «Что я такое сделал, кто на меня написал и что теперь со мной будет?» – быстро задавал себе вопросы Андрей. Почему-то вспомнилась мама, прощание с ней и отцом на вокзале, когда он сразу же после окончания училища заехал домой на пару дней похвастаться новенькими лейтенантскими кубиками в петлицах. «У нее и так здоровье слабое, если узнает об этом, не выдержит... Эх, лучше бы я геройски погиб в последнем бою, чем такое».

Глядя на внезапно побледневшего лейтенанта, сержант ГБ усмехнулся и протянул руку:

– Сержант государственной безопасности Синяков Виталий Иосифович, особый отдел армии. Да не переживай так, лейтенант. Я не за тобой. Воюй спокойно. У меня к тебе всего пара вопросов имеется.

Услышав, что особист приехал не за ним, Андрей перевел дух и немного успокоился.

Выждав минуту и поняв, что собеседник пришел в себя, Синяков продолжил:

– В твоём подразделении служит старший сержант Левченко Григорий Васильевич? Как он тебе?

– Да, в моем взводе, товарищ сержант госбезопасности. Командир второго орудия. Я с ним с первого дня службы в батарее. Грамотный, опытный сержант, отличный младший командир. Бойцы его уважают, командование ценит. А что случилось, если не секрет?

– А рассказывал он тебе, откуда родом, о своей семье, не вел ли антисоветской агитации?

– Да нет вообще-то. Так, говорил, что один остался, а семья от тифа в Гражданскую умерла. А насчет агитации, такого не слышал, – стараясь сохранить уверенность в голосе, проговорил Андрей. – Так что случилось-то?

– Плохи у него дела, лейтенант. Не знаю что да как, но мне его надо доставить в особый отдел армии. Вот ордер, почитай.

С этими словами Синяков показал Григорову лист бумаги с печатями, на котором было написано:

«Особый отдел НКВД 5-й армии

ОРДЕР

Выдан сотруднику особого отдела НКВД 5-й армии сержанту госбезопасности Синякову В. И. на производство ареста и обыска старшего сержанта Левченко Григория Васильевича в расположении... стрелкового полка.

Начальник особого отдела НКВД 5-й армии
майор госбезопасности Зверев И. С.».

Прочитав это, Андрей с недоумением посмотрел на Синякова:

– Но ведь он ничего такого не совершал, товарищ сержант госбезопасности! Воюет отлично, немцев бьет лучше всех, сегодня в бою немецкий танк уничтожил и кучу пехоты! Разве можно так?!

– Можно, лейтенант. У нас все можно, – с железом в голосе отчеканил Синяков, особо выделив последнюю фразу. Затем, смягчившись, произнес: – Пока не вышли в расположение наших войск, ты ему ничего не говори. Особенно при других бойцах.

– А зачем вы мне тогда это сказали и показали?

– А затем, лейтенант, чтобы ты за ним лучше присматривал. Да остановил вовремя. С этой минуты ты лично несешь за него ответственность. Если он убежит, ты отвечать будешь перед трибуналом по всей строгости закона военного времени. Вам понятно, лейтенант Григоров? Если понятно, можете идти.

Ошеломленный, Андрей машинально отдал честь, развернулся и на ватных ногах побрел в направлении бронетранспортера.

В себя он пришел только тогда, когда к нему подошел офицер-пограничник и протянул руку:

– Бажин, Иван.

– Григоров, Андрей. Командир противотанковой батареи. Правда, у меня осталось всего-то два орудия.

– Ничего. Для нас и это сила. У меня из маневренной группы в сто пятьдесят человек всего восемь осталось. Остальные погибли смертью храбрых, или война разбросала, кого куда... Вот такие дела, брат... Ну что, пошли к тебе, артиллерия...

Подойдя к бронетранспортеру вместе с Бажиным, Григоров увидел, что Левченко со своими бойцами отцепил орудие от «Ханомага» и прицепил к нему передок с зарядным ящиком, а затем к передку и пушку. Таким образом, лошадь от второго орудия оказалась свободной.

– Вот, товарищ лейтенант. Решили лошадке дать отдохнуть. Я с водителем зенитного ЗИСа договорился. Первое орудие тоже с передком к нему прицепим. Пусть Мамедов отдыхает. А то у него лошади еле идут.

– Не получится, Григорий Васильевич, нашим лошадам отдыхать. Через десять минут выступаем. Отдайте двух лошадей товарищу старшему лейтенанту. Он будет идти в голове колонны как разведка. Мы сразу же за ним, прикрывать будем. А за нами все остальные. Понятно?

– Понятно, – с досадой ответил Левченко, привыкший всегда заботиться о своих, хоть людях, хоть лошадях. – Только вы лошадок наших, товарищ старший лейтенант, не очень-то гоните, уставшие они больно.

– Хорошо, старший сержант. Не буду. У меня у самого люди еле идут. А сколько еще топтать придется...

О своем разговоре с особистом Андрей решил Левченко не говорить. «Скажу потом», – подумал он.

Бажин подозвал из группы отдыхающих пограничников своего старшину, и они вдвоем, сев на лошадей, шагом поехали вперед по лесной дороге, переговариваясь. Следом за ними двинулся и «Ханомаг», за которым потянулась вся колонна, состоявшая из военных и гражданских беженцев. В конце колонны к роте Попова присоединились разведчики, доложившие, что немцы прошли мимо.

Миновали несколько километров. С наступлением сумерек в лесу уже ничего не было видно. Только по просвету между верхушками деревьев можно было определить, где петляла дорога. Два всадника периодически освещали ее фонариком. Впереди показался большой старый дуб с развесистыми ветками.

– Кажись, здесь был поворот, товарищ старший лейтенант.

– Сейчас узнаем. Пока еще Григоров подъедет, засвети-ка фонариком. Посмотрим.

– Стой! Кто идет? Стой! Стрелять буду! – раздалось из кустов.

– Стою. Но я не иду, а еду. Старший лейтенант Бажин. А ну выходи, часовой! – крикнул в темноту Иван Михайлович. – Мы свои. На склад едем. За боеприпасами.

– Пароль называйте! Тогда выйду.

Бажин шепотом обратился к своему старшине:

– Егорыч, ты помнишь пароль-то, а то неизвестно, какой там придурок сидит. Вдруг со страху стрельбу откроет.

– А хрен его знает, Иван Михайлович. Сейчас попробую вспомнить... – Старшина-пограничник почесал затылок, выпрямился в седле и, выдвинув из-за спины автомат ППД и направив его в сторону кустов, крикнул в темноту: – Пароль «Мушка». Отзыв говори.

– «Курок», – отозвались из кустов, и к ним вышел пожилой красноармеец с большими пшеничными усами, с винтовкой в руках, одетый в гимнастерку, с буденовкой на голове, но в гражданских брюках, заправленных в короткие сапожки. С левого боку висела противогазная сумка.

– Вот, товарищ старший лейтенант, двадцать лет служу, а пароль все не меняется. Здорово, служивый! Кто таков?

Вышедший из кустов красноармеец приставил к ноге винтовку с примкнутым штыком и доложил:

– Красногвардеец Хомутенко Федор Семенович. Призванный из запаса. Охрана склада. А вы чьих будете?

– Сводный отряд доблестной Рабоче-крестьянской Красной армии. Идем за пополнением боеприпасов и продовольствия. Старший лейтенант Бажин. Где склад-то, товарищ красногвардеец?

– Извините, товарищ командир. Я пост покидать не имею права. Часовой. Сейчас по телефону начальника склада вызову. Эй, Макарка! А ну покрути аппарат та вызови Никиту Савельича. Скажи, шо тут хлопцы за боеприпасами прибулы, а дороги дальше не найдут. Хай приедет. А вы почиайте трохи, будь ласка.

Пограничники переглянулись между собой. В кустах было слышно, как кто-то со скрипом крутит ручку полевого телефонного аппарата, и затем молодой голос прокричал:

– Склад? Склад! Это первый пост. Докладываем. Приехали наши, за боеприпасами, но дальше дороги не знают. Просят подъехать Никиту Савельича. Да. Будут тута ждать. – Из кустов выбежал невысокий парнишка лет четырнадцати-пятнадцати, одетый в гражданку, но с карабином за спиной, и обратился к пожилому: – Доложился я, деда. Сейчас начальник склада сам выезжает. Погодьте пяток минут.

В это время дорога осветилась светом фар и к ним, урча мотором, начал приближаться бронетранспортер Григорова. За ним светились автомобильные фары других машин.

Два местных бойца, перепугавшись, начали метаться из стороны в сторону, но при этом оставались практически на месте.

– Немцы! Немцы! Спасайся кто может!

Бажин, спешившись, подошел к ним и спокойно произнес:

– Федор Семенович! Макарка! Да не мечитесь вы так и не бойтесь. Это наши. Советские. Просто немецкий бронетранспортер в плен захватили. Сейчас товарищи подойдут, сами все увидите.

Услышав такие слова, часовые остановились, прикрывая руками лица от света. Но, наверное, до конца еще не поверили, так как стояли на полусогнутых ногах.

Из подъехавшего «Ханомага» выскочил Григоров:

– Ну что, нашли склад? А это кто?

– Нашли. Это часовые. Сейчас сам начальник склада обещал подъехать.

От остановившейся колонны приблизились капитан Бондарев и особист Синяков.

– В чем задержка? Почему стоим? Кто такие?

– Да вот, товарищ капитан. Часовые со склада обнаружили. Склад рядом, сейчас начальник приедет.

Григоров подбежал к бронетранспортеру, стукнув по броне кулаком, крикнул:

– Оксана! Скажи Гансу, чтобы двигатель выключил и свет уменьшил, а то по глазам бьет.

В ответ раздался звонкий девичий голос, быстро проговоривший что-то по-немецки, после чего двигатель «Ханомага» заглох, а свет фар уменьшился в два раза.

Пожилой часовой боязливо спросил у Бажина:

– Так вы точно не немцы, а то там по-немецки говорят?

– Да свои мы, отец, свои. Просто водитель там немец. По-нашему плохо понимает. А так все свои. Не бойся.

При свете фар удалось разглядеть хорошо укатанную лесную дорогу, забирающую влево от дуба. Из-за кустов, прикрывавших ее, показалась лошадь, запряженная в телегу. Лошадью управлял средних лет красноармеец, а рядом с ним сидел полный пожилой мужчина, также одетый в красноармейскую форму, но с гражданской фуражкой на голове. Подкатив к группе командиров, телега остановилась. Мужчина в фуражке важно слез с нее и подошел к командирам.

– Начальник склада Ярцев Никита Савельевич. Э-э-э... – Видно что-то забыв, но потом вспомнив, приставил правую ладонь к своей фуражке и произнес: – Младший лейтенант я. Извините, товарищи, что не по форме докладываю. Я ведь до войны снабженцем на предприятии был, в армии не служил. А вы кто будете?

Внимательно посмотрев на начальника склада, Бондарев отдал ему честь и, улыбнувшись, ответил за всех:

– Начальник штаба стрелкового полка капитан Бондарев Игорь Саввич. Это мои подчиненные. Вот документ. Нам необходимо пополниться боеприпасами, продовольствием и переночевать. У нас много раненых и гражданских беженцев с детьми. Ваш склад располагает такими возможностями?

– Ну я не знаю... А много ли вас? Есть ли нужные бумаги? – поинтересовался Ярцев, повертев в руках удостоверение Бондарева. Затем он посмотрел на бронетранспортер и стоящие за ним автомобили. – А транспорт тоже будете заправлять, а то бензина у нас мало?

– Сейчас трудно сказать, сколько нас осталось, да и гражданских сколько, точно мы не знаем. Посчитать еще не успели. Мы из боев только сегодня вышли. Еле от немцев оторвались...

Ярцев удивленно посмотрел на Бондарева:

– Каких таких немцев? Мы ведь в нашем тылу!

– Вы что, обстановки не знаете? Где вы живете, черт возьми! Немцы уже Горностайполь и переправу через Днепр захватили! Мы с вами в окружении, у немцев в тылу! У вас тут что, колхоз «Тихе життя»?

Ярцев и три его подчиненных от удивления открыли рты и посмотрели друг на друга ничего не понимающими глазами. Первым в себя пришел начальник склада. Он, немного прокашлявшись, снял с головы фуражку и начал мять ее в руках. Затем, как будто извиняясь, тихо заговорил:

– Понимаете, дорогие товарищи, наш склад образовался чуть больше месяца назад. Сначала завезли сюда много имущества разного, но потом проходящим частям выдавали, да и тем, что рядом стояли. Нового ничего не подвозили. Последний раз я накладные на выдачу выписывал неделю назад. Больше к нам никто не приезжал. А связи никакой нет. Мы тут в лесу одни находимся, я и восемь моих работников, извиняюсь, красноармейцев. Мы ведь все – гражданские люди, в армии толком никто не служил, не годные к строевой службе, только в тылу. – Ярцев вытащил из кармана галифе большой платок и вытер вспотевший лоб. – Из имущества почти ничего не осталось. Все выдали, согласно документов. Я, честно говоря, начал думать, что про нас забыли. Никто не приезжает. А сегодня днем слышали звуки боя недалеко. Да и воздушный бой пришлось понаблюдать. Видели, как наши летчики с немцами дрались. Один немецкий парашютист приземлился на той стороне озера, я туда посылал своих людей, но они его не нашли. Спрятался, видно, сволочь немецкая. А наш самолет сел на озеро и в болоте застрял.

– А летчики живы?

– Один живой остался. Мы его спасли. Как увидели, что горящий самолет в озеро падает, думали, все, утонет. Здесь же глубоко. У нас лодки-то нет. Мы, для разнообразия рациона, плот себе соорудили и рыбку с него ловили. – Ярцев уже полностью пришел в себя и рассказывал более уверенно. – Ох и хороша здесь рыба, я в других местах такой большой никогда не видел! О чем это я? Ах да. Так вот. Самолет в болотце на краю озера оказался. Если бы ближе к центру, точно бы затонул. Мы на плоту к самолету подплыли, он прямо в болотце лежит, осмотрели его. Вон Макарка, он мал ростом и заглянул в кабины...

Тут, не выдержав слов о себе, выскочив вперед, парнишка решил похвастаться перед командирами:

– Да, да! Я сначала в кабину стрелка заглянул, но он убитый был, вся голова и грудь в крови. Затем перелез к летчикам в кабину и одного живого нашел...

– Не встрейвай, внучок, когда старшие разговаривают, – перебил его Хомутенко-старший. – Звиняйте мальчика, Никита Савельевич!

– Ничего, ничего, Федор Семенович, – успокоил того Ярцев и продолжил: – В общем, вытащили всех троих наших летчиков. Три раза плавали. Плот-то небольшой, зараз всех не отвезешь... Двоих мы похоронили в лесу, возле склада нашего, а третьего – живого, видно, командир – я в свою землянку положил. Без сознания он, еле дышит. Врача бы ему...

– Нет врача у нас, товарищ Ярцев. Медсанбат немцы разбомбили. Самим нужен, раненых много.

– Так что же мы стоим-то? Милости просим к нам. Расположитесь, отдохнете, покушаете, а там и думать будем, как быть.

Бондарев согласно кивнул и обратился к Бажину:

– Товарищ старший лейтенант, поручаю вам организовать охрану лагеря. Возьмете людей у Попова и вместе с ним выставьте охрану. Проследите, чтобы никто не отстал: ни бойцы, ни беженцы. Всем остальным – двигаемся на склад. Григоров, давай на своем бронетранспортере за начальником склада, мы все за тобой!

– Слушаюсь, товарищ капитан, – козырнул Андрей.

Вернувшись к бронетранспортеру, он приказал Гансу трогаться за телегой Ярцева в глубь леса.

Колонна потихоньку, машина за машиной, подвода за подводой, а также пешие красноармейцы и беженцы, подгонявшие свою животинку, прошла мимо дуба. Последним на мотоцикле проехал лейтенант Попов. На посту остались только двое часовых склада – дед и внук Хомутенко, – а также старшина-пограничник, пограничник с собакой и два бойца роты Попова, один из которых был вооружен немецким пулеметом.

Проехав несколько сот метров вдоль берега озера, «Ханомаг» осветил фарами территорию армейского промежуточного склада и самодельный шлагбаум перед ним. Склад был со всех сторон окружен густо растущими кустами и деревьями.

Назвать это место «складом» в привычном понимании слова – со складскими помещениями, сараями, колючей проволокой и часовыми на вышках – было нельзя. Склад представлял из себя немного прореженный участок леса, где между деревьями была проложена кольцевая дорожка, по которой мог проехать только один автомобиль и только в одном направлении. Дорожка начиналась и заканчивалась у импровизированного шлагбаума, изготовленного из обычного бревна на двух крестовинах. По внешней стороне дорожки в разных местах между деревьями была натянута маскировочная сеть, прикрывающая с воздуха расположение склада. Под этой сетью натянули брезент от дождя. Большая часть места под брезентом пустовала, но кое-где на деревянных помостах, а где и прямо на земле, были положены штабелями различного размера деревянные ящики и металлические бочки. Также в некоторых местах были вырыты землянки и рвы под деревянными настилами, покрытые дерном. Естественные овражки были углублены и прикрыты срубленными небольшими деревцами с ветками. В центре автомобильного кольца было вырыто несколько землянок, вход в которые прикрывали плащ-палатки. Склад располагался на берегу озера. От крайней маскировочной сетки до берега было не больше десяти метров.

Когда начальник склада на своей телеге подъехал к шлагбауму, из кустов к нему выбежали два красноармейца. Услышав приказ командира, они подхватили шлагбаум и отнесли его в сторону. Телега проехала вперед и влево. Соскочивший с нее Ярцев помахал рукой, показывая, чтобы «Ханомаг», а за ним и все остальные въезжали на территорию по проложенной автомобильной дорожке. Сделав круг и вернувшись обратно к месту въезда, Григоров приказал Гансу остановить бронетранспортер у ближайшего свободного места под маскировочной сеткой. Весь имеющийся автомобильный транспорт разместился также по кругу. Подводы с лошадьми заняли, где это было возможно, свободные места. Чуть ли не под каждым кустом или деревом сидели или лежали уставшие люди. Рядом с ними примостились изголодавшиеся животные.

– Григорий Васильевич! Разместите людей для отдыха. Надо бы ужин организовать, а то уже живот сводит, – обратился Андрей к Левченко. При этом он незаметно для себя, но не для старшего сержанта посмотрел в сторону спасенной девушки, которая, укутавшись в чью-то шинель, свернувшись калачиком, подставив под голову свою корзину, тихо спала на боковой скамейке «Ханомага». – Девушку пока не будите. Ганс, стоп мотор. Я к начальнику штаба.

– Будет сделано, командир, – ответил Левченко и, уже обращаясь к своим бойцам, приказал: – А ну, орлы, тихо, по одному, все наружу. Готовим себе место для ночевки и ужина. Тишко, смотри за немцем.

Ганс заглушил двигатель и выключил свет. Все красноармейцы, находившиеся в бронетранспортере, не спеша вылезли наружу и, разминая ноги, стали готовить место для отдыха под брезентом. Таким же образом действовали и остальные, приехавшие или пришедшие сюда не по своей воле, а потому, что некуда было идти. Война, будь она неладна. Люди и животные думали только об одном – о еде и отдыхе. Но сон был главной целью. Усталость брала свое.

Ярцев хоть и был сугубо гражданским человеком, но в нем чувствовался настоящий снабженец. По его команде в полевой кухне начали готовить ужин и на красноармейцев, и на беженцев. Стоявший на территории небольшой стог сена, заготовленный для единственной складской лошади, был моментально растащен рачительными хозяевами на корм своим животинкам. Под одним из навесов организовали полевой госпиталь, куда с подводу и автомобилей сносили раненых. О них под присмотром бойца-санинструктора заботились две молоденькие санитарки. Командир полка Климович пришел в сознание и, приказав переложить себя на подводу в центре временного лагеря, вызвал на совещание всех оставшихся командиров. Начальник штаба Бондарев доложил о сложившейся ситуации, месте нахождения полка и предполагаемых действиях на завтра.

– Хорошо, Игорь Саввич, спасибо за доклад, – вздохнул Климович. Затем, осторожно погладив раненую ногу, обратился к командирам. – Товарищи, все вы без меня понимаете, что мы попали в сложную ситуацию, из которой у нас есть три выхода. Первый – это прорываться к нашим через переправу у Чернобыля. Второй – остаться в Припятских лесах и начать партизанские действия. Есть еще третий, но он мне не нравится, я думаю, и вам тоже. Это сдаться в плен немцам. Какие будут предложения?

– Товарищ подполковник, – выступил вперед политрук Жидков, – как вы можете говорить о плене, это паникерские настроения! Вы же знаете, что с нами немцы сделают!

– То, что с нами немцы сделают, это мы знаем, уважаемый товарищ политрук, – произнес стоявший возле него Дулевич. – А в плен к ним никто не собирается сдаваться. Это просто гипотетическая теория, рассматривающая все варианты. Правильно я говорю, Алексей Аркадьевич?

– Правильно, Сергей Олегович, – ответил Климович. – О плене никто не говорит и не думает, я надеюсь. А вот какие настроения у красноармейцев, мы точно знать не можем. Всякое бывает. Мы с вами уже видели отступающие части и знаем, что в них происходило.

– Товарищ подполковник, – обратился к комполка Синяков, – разрешите мне заняться этим делом. Только нужна ваша помощь в наказании паникеров и трусов. Один я не справлюсь.

– Мы с вами не военный трибунал, и расстреливать своих солдат я не буду. Даже если они смалодушничали, – оборвал его Климович, подняв руку к голове. Его лицо искалось болью, полученной от контузии. – Предлагаю сейчас заняться размещением подчиненных на отдых и ужином. Понемногу прощупайте настроение бойцов, как бы ни было тяжело, настраивайте их на положительные эмоции. Люди устали, им необходима передышка. Начальник склада, организуйте, пожалуйста, выдачу продуктов и прием горячей

пищи. И красноармейцам, и беженцам. Определите отхожие места для мужчин и женщин. Животных отведите отдельно. А то как бы нам здесь в дерьме не утонуть, да и не задохнуться. Игорь Саввич, помогите товарищу Ярцеву в этом и организуйте караульную службу. Выставьте усиленные посты. Всем проверить оружие и боеприпасы. По всему лагерю разожгите небольшие костры, чтобы люди друг дружку не подавили в темноте, и назначьте дежурных. Сейчас ночь, а немец ночью не воюет. Все. Завтра с утра что-нибудь придумаем. Утро вечера мудренее. Всем ужинать и спать.

Когда Григоров возвращался к «Ханомагу», к нему подошел Дрынько, хозяин поломавшейся на дороге полуторки. Он осторожно тронул Андрея за рукав:

– Извините меня, пожалуйста, товарищ командир. Я здесь, кроме вас, никого не знаю. Не скажете, долго мы здесь будем? А то мне на другой берег Днепра срочно нужно. Сами понимаете, имущество райкома и документы вывезти надо. Я так понял из разговоров, что немцы где-то рядом...

– Извините... э-э... Осип Давыдович... Точно ничего сказать не могу. Я сам толком мало что знаю. Завтра утром будем разбираться, а сейчас ужинайте и ложитесь спать. Утро вечера мудренее.

Развернувшись, Андрей направился к своим. Под навесом на сосновых ветках были разостланы немецкие шинели и одеяла, взятые из «Ханомага». Бойцы ели горячую кашу, принесенную от полевой кухни. Рядом с Левченко на деревянном ящике примостилась Оксана. Правая стопа ее была замотана в большой темный платок. Она жадно ела из одного со старшим сержантом котелка, поддерживая куском сухаря свою ложку. Сзади них также из одного котелка орудовали ложками немец Ганс Штольке и подружившийся с ним красноармеец Тишко. Голодные целый день, люди старались насытиться про запас.

– Лейтенант, вот твой котелок с кашей, еще горячая. Бери, ешь. Склад расщедрился. Каша с тушенкой и сухарями. А то, может, и по трофейному коньячку, а? – сказал Левченко, протянув командиру армейский котелок со вставленной ложкой. – Что решили-то, отцы-командиры?

– Сейчас ужин и спать. Завтра все решать будем. А коньячку не хочется. Только спать...

– Тебе где постелить, в железяке или с нами на земле спать будешь?

– Я что, рыжий, что ли? Конечно же с вами. Девушке в бронетранспортере постелите.

– Хорошо. Оксанка, сама не побоишься в немецком танке спать? Ежели что, то кричи!

– Я не из пугливых, дядя Гриша... Спокойной ночи...

...Спокойной ночи...

Хорошо вот так, сытно поев, лечь на теплую родную землю, укрыться шинелью и смотреть в прозрачное ночное небо, покрытое яркими блестящими звездами с большой и словно приближающейся полной луной. Постепенно засыпать и наслаждаться наступившей вокруг тебя тишиной, иногда прерываемой всхрапыванием лошади или потрескиванием горящего рядом небольшого костерка, плеском рыбы в озере... Завтра будет завтра, и все проблемы будут завтра, а сейчас только спать... Вымотанные за эти дни тело и душа расслабились, каждая клеточка, каждый нерв требовали отдыха...

Вокруг была тишина... Блаженство спать на природе, на свежем воздухе, когда ничего не мешает, а наоборот, лесной шум только убаюкивает...

Андрей медленно засыпал...

Грохнул взрыв... Еще один... Яркая вспышка в глаза... Снова взрыв, земля заходила ходуном... Гул, сильный гул... Снова вспышка и взрыв... Это что, сон такой? Немцы напали? Обстрел или бомбы сбрасывают?

Андрей открыл глаза... Снова яркая вспышка и грохот. И эта вонь, ужасная вонь. Сера, что ли?

Земля снова затряслась... Да так, что казалось, будто сейчас она расколется пополам.

Гул не ослабевал, а, наоборот, набирал силу. Начала болеть голова, давило на виски, руки и ноги отказывались подчиняться... Снова молния и взрыв... Нет, это не взрыв, это гром...

В проблеске света Андрей наконец-то разглядел, что творилось вокруг. Кто-то из его бойцов катался по земле, держась руками за голову, кто-то неподвижно лежал, разбросав в стороны руки и ноги. По лагерю в безумстве метались люди и животные, топча друг друга... Снова ударила молния и загрохотал гром. Что случилось, что происходит?!

Вдруг раздался страшный раскат, и вслед за ним ударил свет. Земля начала быстро раскачиваться. Свет был ярко-белым и искрился. Создавалось ощущение, будто это была сплошная вспышка от электросварки. Свет бил столбом откуда-то с неба прямо в центр озера. В месте соприкосновения с поверхностью вода бурлила, будто большой гейзер. Вокруг стало светло. Все предметы, люди, животные сделались прозрачными и просвечивали насквозь, словно под рентгеновскими лучами... Дальше удар... Нестерпимая головная боль, и все... Сознание отключилось...

Глава 3

– Макс? Максим? Максимка? Где ты? Отзовись, сынок!

Слова раздавались как будто сквозь сон, издалека. А сон ли это? Что случилось? Что произошло? Максим ничего не мог понять. Все тело болело и ныло, голова кружилась, и сильно стучало в висках, во рту ощущалась сухость, хотелось пить. Немного тошнило. Тяжело было дышать, ощущался недостаток кислорода. Стало почему-то очень холодно. Максим понял, что лежит на животе на земле. Медленно подняв голову и открыв глаза, он увидел, вернее сказать, ничего не увидел... Кругом светло, но в то же время ничего не видно. Словно все в белом тумане. Но в тумане ощущается влага, а здесь влаги не было. Было такое чувство, будто взлетел в облака и оказался в середине самого плотного, белого, но сухого облака. Медленно протянув руку в белую пелену, Максим не увидел кончиков своих пальцев.

– Максимка! Ты где? Сынок?

Макс услышал взволнованный голос отца и, сухо кашлянув, громко ответил:

– Я здесь, папа. Что случилось? Где вы все? И где мы находимся?

Из белой пелены показалась голова отца, ползущего к нему на коленях. Его рука прикоснулась к волосам Максима и нежно погладила:

– Нашелся, сынок! А я уж думал, что потерял тебя. Жив, слава богу!

– Бать! А где дядя Янис и дядя Олег? Что случилось?

– Не знаю, сынок, что случилось. Но Олег и Янис там. Поползли к ним. – Антоненко-старший показал рукой в белый туман и потянул за собой Максима.

Теперь Максим понял, почему отец не шел по земле, а полз на коленях. Плотность белого облака была такая, что если встать на ноги, то земли под ногами не будет видно. Продвинувшись немного вперед, Макс наткнулся на небольшое поваленное дерево. А вот и остальная компания. Баюлис и Уваров сидели на одеяле, упершись спинами. Баюлис пил из пластиковой бутылки воду. Увидев Максима с отцом, протянул им бутылку с водой:

– Возьмите, ребята, выпейте воды, да побольше. Сейчас воды много пить нужно, и медленнее двигайтесь. Силы зря не тратьте. Судя по симптомам у меня, у Олега, да и у вас, это все похоже на горную болезнь.

– Да ты что, Людвигович! – отхлебнув из бутылки и передав ее дальше Макс, воскликнул Николай. – Какая тут, в Припятских лесах и болотах, горная болезнь?! Где ты здесь горы видел?! У нас самая высокая гора на Украине – Говерла в Карпатах, и та не выше двух километров над уровнем моря.

– Не скажи, Коля, – отозвался Уваров. – Мне кажется, что Янис Людвигович близок к истине. Вспомни-ка горы Гиндукуша в Афганистане. Такие же ощущения были где-то на высоте больше четырех километров, если не всех пяти... Что-то мне это все не нравится. Чертовщина какая-то. Землетрясение ночное... Аномальное явление... Точно – Ведьмин кут.

Максим вытащил мобильный телефон и попробовал набрать номер бабушки, но телефон не работал.

– А мобилка-то не работает!

– Как не работает?

Все стали проверять свои телефоны. Но ни один из них не предоставлял услуг сотовой связи.

– Вот теперь и без связи остались. Ну точно, чертовщина какая-то!

– Так, ребята. Что главное в танке? Правильно! Не бздеть! – нарочито громко проговорил Антоненко-старший. – Не в таких передрыгах бывали. Пробьемся. Сейчас немного посидим, осмотримся, а там решим, где мы и что тут творится.

– Дядя Янис, – обратился Максим к Баюлису, перед этим утолив жажду, – а почему так сильно голова болит, тошнит и сухость во рту? И почему так холодно стало?

– Резкий перепад температур и давления, разреженный воздух и недостаток кислорода на большой высоте. В особых случаях это может привести даже к летальному исходу, у кого сердечко слабое или организм ослаблен. Я, конечно, сам в горах не был, но соответствующую лекцию прослушал полностью. Вот теперь все совпадает. Симптомы и холод. Ребята, мне кажется, что мы высоко в горах.

– Так что нам теперь делать?

– А ничего. Просто сидеть и ждать. Надо подождать, пока организм привыкнет к новым условиям. А там посмотрим... Лучше, конечно, спуститься пониже...

– И долго нам так ждать? Скажите, пожалуйста, уважаемый доктор? – обратился к Баюлису Антоненко-старший. По своему характеру он был человеком действия, и длительное бездействие, а также неизвестность его немного нервировали. – И где тут это «пониже»?

– Пока вы, уважаемый торопыга, не успокоитесь. А где «пониже», я и сам не знаю. Надо подождать, пока не развиднеется...

– Да ладно вам, ребята, ссориться, – проговорил Уваров. – От того, что мы сейчас перегрыземся, лучше не станет. Даже хуже. Я согласен с Янисом Людвиговичем. Похоже, что действительно мы высоко в горах. Ощущение уж больно знакомое. Сейчас не стоит дергаться, пока кругом не осмотримся. Макс! А куда ты эсвэдэшку дел? Надо быть готовым ко всему.

– В палатке осталась, дядя Олег. Но где палатка, я не знаю. Не видно совсем ничего.

– Ладно, ребята. Будем выполнять рекомендации врача, – продолжил Уваров. – Давайте отдыхать, пока не развиднеется. Но ухо держать востро.

Подвинувшись друг к другу на одеяле и прижавшись спинами для сохранения тепла, люди задумались. Каждый думал про себя, разрабатывая разные версии происшедшего. Все хранили молчание, настороженно прислушиваясь. В отличие от вчерашнего дня, когда лес был заполнен птичьим гомоном и шелестом листьев, сейчас их окружала полная тишина. Даже мертвая. Было слышно только их дыхание и биение сердец. Сколько прошло времени, никто из них не заметил, но постепенно окружавшее их белое плотное облако стало исчезать и смещаться в сторону озера. Потихоньку прояснялись силуэты близстоящих деревьев, проявился потухший костер, где-то в траве мелькнул силуэт поваленной палатки, и только уазика не было видно.

Первым очнулся Антоненко-старший. Растолкав остальных, он поднялся и пошел к машине:

– Мужики! Подъем! Я за бушлатами, а вы пока соберите ветки для костра, а то похолодало что-то. Да и чайку попить не мешает.

– Так. Акклиматизация прошла успешно, – констатировал Баюлис. – Действительно, а где моя теплая куртка? Возьмите ее тоже, Николай! А чаек будет в самый раз. Да и пожевать не мешает. Надо сил набраться. Пока мы не разобрались что, где да как, употребление моего напитка придется отложить.

Николай вышел точно на автомобиль. Прихватив армейские бушлаты и куртку Баюлиса, он вернулся обратно к костру. Пока отец ходил к машине, Максим с остальными насобирали веток для костра. Баюлис пытался разжечь кинутый в костер обрывок газеты, но спичка не хотела разгораться.

– Возьмите зажигалку, Янис Людвигович, – сказал Уваров, протянув Баюлису зажигалку. – Я сам не курю, но огонь должен быть всегда в кармане, а вдруг красивой женщине надо помочь сигаретку прикурить. А то, что спичка плохо горит,шний раз подтверждает, что мы высоко в горах. Правда, пока самих гор не видел никто.

Баюлис с третьей попытки поджег зажигалкой бумагу и положил на нее несколько тоненьких веточек. Костерок начал весело разгораться. Все надели принесенную Николаем теплую одежду. На головы натянули так предусмотрительно прихваченные панамы. Лишь Уваров затянул покрепче на затылке бандану. Затем Олег надел на себя прорезиненные штаны с сапогами от химзащиты и взял в руки пустую пластиковую бутылку и два котелка:

– Пойду к озеру, воды на чай наберу, а то действительно в горле сохнет, надо его промочить, – проговорил он и скрылся в белом тумане.

Пока Максим с Баюлисом искали в вещах пачку чая и готовили легкие бутерброды, Николай собирал хворост для костра. Вдруг со стороны озера раздался крик Уварова:

– Мужики! Вот е-п-р-с-т! Озеро пропало! Вода куда-то ушла!

Все бросились к берегу. Остановились у небольшого обрывчика, где кончалась трава и вчера еще плескалась вода. Вместо водной глади было видно только песчано-каменистое дно, кое-где покрытое илом и небольшими зеленовато-коричневыми водорослями. Дальше шел белый плотный туман, и ничего не было видно.

– Олег! – крикнул Николай. – А ты дальше пройди, может, найдешь воду. Не может же озеро так быстро испариться.

– Хорошо, – раздалось из тумана. – Вы пока на берегу подождите и периодически зовите меня, чтобы я не заблудился в этом проклятом облаке.

Пройдя вперед еще метров десять, Уваров почувствовал, что начинается резкий спуск, и вошел в прохладную воду. «Наконец-то, а то я уже решил, что «аллес» – все, будем на сухом пайке», – подумал он. Пройдя еще пару метров и увидев, что вода плещется чуть выше его колен, Олег начал наполнять бутылку. Вокруг стояла сплошная плотная белая стена.

Вдруг со стороны берега донесся громкий собачий лай, затем послышались незнакомые грозные голоса и характерные звуки, очень похожие на клацанье затвора оружия.

«Опа-на, приплыли! У нас снова незваные гости. Надо пока здесь постоять. Потом разберемся», – подумал Олег. Уваров понимал, что в данную минуту он ничем не сможет помочь своим друзьям. Если вернется на берег, то его самого тоже повяжут. Единственным правильным решением было переждать, затем спокойно обойти это место, осмотреться, оценить обстановку и только потом предпринимать какие-либо действия по освобождению друзей. Олег замер так, чтобы даже небольшой плеск воды не выдал его присутствия.

– Ничего себе новости! Остаться без воды в такой ситуации! Хуже не придумаешь! – занервничал Николай, стоя вместе с сыном и Баюлисом на берегу. – Что вы, ребята, думаете по этому поводу?

Но ответа он не дождался. Справа от них вдруг раздался громкий собачий лай. Из тумана прямо на Николая бросилась большая темная собака. От полученного толчка Анто-ненко-старший упал грудью на землю, машинально прикрыв руками голову. Собака, видно, была ученой, так как не укусила, а легла сверху, положив свои большие лапы Николаю на голову. Одновременно пес продолжал лаять на Баюлиса с Максом, которые от неожиданности подняли руки вверх. Из тумана выбежали несколько вооруженных человек. Один из них подошел к собаке и, прицепив поводок к ошейнику, оттащил ее:

– Молодец, Мухтар! Молодец! Фу! Сидеть!

Макс с удивлением рассматривал внезапно появившихся мужчин. Сначала их было трое, затем из тумана еще два человека вывели третьего. Двое из тех, что появились первыми, направили свое оружие на Максима и Баюлиса. Отец оставался лежать, прикрывая голову руками.

– Руки вверх! Кто такие? – крикнул коренастый, лет под сорок мужчина, одетый в военную форму, которую носили во время Великой Отечественной войны, правда, без погон, а с черными петлицами на воротнике, окантованными узким золотым галуном и с

четырьмя темно-красными треугольниками в каждой. На голове у него была поношенная зеленая фуражка. «Как у пограничников», – подумал Максим. Мужчина держал в руках автомат ППД, виденный Максом ранее в фильмах про войну. «Пограничник» подошел к Антоненко-старшему и ткнул его носком сапога под ребра: – А ну вставай, чего разлегся! Кто такие, спрашиваю, документы есть?

– Товарищ старшина! – обратился к нему державший собаку молодой парень, одетый в такую же форму, но в петлицах у него была узкая алая полоска. На голове также была зеленая фуражка. За спиной висел карабин. – Может, это диверсанты? Смотрите, одеты, как немцы, во все пятнистое!

– Точно, диверсанты, – поддержал его третий молодой мужчина в выбеленной солнцем гимнастерке, с пилоткой на голове и обутый в ботинки с обмотками. За спиной висел вещмешок-«сидор». В руках он держал ручной пулемет с лентой, намотанной на руку. Пулемет был похож на немецкий МГ, тоже из фильмов про Вторую мировую. – Смотрите, какие рожи у них сытые. Наши такими не бывают. Может, пострелять их прямо здесь? А, товарищ старшина?

Услышав такое, Антоненко-старший поднялся с земли во весь свой немаленький рост, оказавшись на голову выше присутствующих, и с негодованием произнес:

– Вы че, мужики! Охренели совсем? В войнушку не наигрались? Какие диверсанты, мать вашу! Мы мирные люди, приехали сюда на рыбалку! И уберите свой антиквариат!

Антоненко попытался рукой отвести ствол направленного на него автомата «пограничника», но тот быстро убрал его сам и резко ударил Николая прикладом в живот. От полученного удара перехватило дыхание, и Николай, скрючившись от боли, снова упал. Собака с громким лаем кинулась к нему, но второй «пограничник» удержал пса.

Максим попытался защитить отца, но был остановлен пулеметчиком, приставившим к его груди ствол пулемета:

– Не дергайся, паря! А то я из тебя решето сделаю!

К ним приблизились трое других незнакомцев. Один из них был одет так же, как и пулеметчик, но только на ногах у него были сапоги. На правом плече висел немецкий автомат времен Второй мировой МП-40, или, как его по ошибке называли современники Максима, «шмайссер», а также длинная винтовка с примкнутым узким штыком. На пояском ремне сбоку имелся подсумок с запасными магазинами. Он поддерживал под правое плечо пожилого мужчину с большими пшеничными усами, одетого в гимнастерку, с кепи на голове, которую во времена Гражданской войны называли буденовкой, на ногах – гражданские брюки, заправленные в короткие сапоги. С левого боку висела брезентовая сумка. Под левое плечо пожилого вел невысокий молоденький парнишка в гражданском, с карабином за спиной, постоянно приговаривающий:

– Потерпи, деда, совсем немножко осталось, сейчас до наших дойдем.

Видя, что здоровяк лежит на земле и корчится от боли, «пограничник» обратился к Баюлису, как к старшему по возрасту:

– Повторяю свой вопрос! Кто такие? Что здесь делаете?

Янис, поняв, что грубить этим людям не стоит, спокойным миролюбивым голосом ответил:

– Понимаете, молодые люди, мы здесь оказались совершенно случайно. Сами даже не знаем, каким образом. Поехали рыбачить и отдыхать в одно место, а оказались в другом. Не надо нас расстреливать. Давайте разберемся сначала. Отведите нас, пожалуйста, к своему начальству. Там все прояснится.

Максим, услышав, что их сравнили с немцами, быстро проговорил, обращаясь к старшему «пограничнику»:

– Товарищ старшина! Поверьте нам, пожалуйста. Мы не немцы. Мы свои, русские.

– Диверсанты тоже из русских бывают. Перебежчиков и предателей, – ответил ему ударивший отца «пограничник». – Ладно. Вяжи их, ребята. Отведем в лагерь, там с ними особист поговорит. Трохимчук, посторожи пока с Мухтаром этого здоровяка. Мы других повяжем.

С этими словами «пограничник» подскочил к Баюлису и ударил его ногой под колено так, что Янис, развернувшись на месте, оказался к нему спиной, упав на колени. Выхватив из кармана своих галифе короткую веревку, «пограничник» наступил ногой на ступню Яниса, да так, что тот вскрикнул от боли, и быстро связал ему руки сзади. Видя такое обращение с дядей Янисом, Максим не стал испытывать судьбу, а сам повернулся, заложив руки за спину.

– А молодой-то понятливый оказался, – усмехнулся боец с пулеметом. Поставив его на землю, он снял с Максима брючный ремень и крепким узлом связал им руки пленника.

После Баюлиса «пограничник» подошел к Антоненко-старшему и связал его.

– Ну что, ежики курносые! Фашистские прислужники! Диверсанты проклятые! Давайте вперед по бережку топайте! Пока мы вас тут не постреляли! Нефедов, с пулеметом, иди первым, ведешь молодого. Трохимчук, конвоируйте здоровяка с Мухтаром. Дальше я – старого. А вы, ребятки, Федор Семеныча за нами ведите, плох старик совсем.

Поднимая с земли Николая, «пограничник» увидел под ним соскочивший с ремня нож в ножнах:

– Ух ты, смотри, какой ножичек-то! Точно не наш, а немецкий! Все, гниды диверсантские, попались! Теперь вам не отвертеться! А ну вставай, сука фашистская!

Подняв с земли еще мучившегося от боли Николая, процессия двинулась вдоль берега по освободившейся от белого тумана лесной дороге.

Когда утихли звуки и смолкли голоса удаляющихся людей, Олег, выждав еще пару минут, решил выйти. Белый туман уже полностью освободил от своей власти прибрежную полосу и сам лес, оставляя за собой только водную гладь. От кромки воды до берега было не меньше двадцати метров. «Интересно, куда это вода делась? Не может же сквозь землю просочиться? А может быть, и может? Что это за люди и куда они повели ребят? И вообще, что здесь творится?» – терзаемый вопросами, Уваров выбрался на берег.

Первым делом он снял с себя прорезиненные штаны с сапогами, сковывавшие движения. Стараясь не греметь пустыми котелками, собрал вещи, разбросанные у костра, завернул их в одеяло и отнес к палатке. Ничего, что бушлат великоват, зато двигаться в нем легко и свободно, заодно и не холодно. Перенервничав, Олег совершенно забыл о холоде, сухом дыхании, да и о голоде, черт возьми. Схватив один из приготовленных ранее бутербродов и жуя его, Олег начал разворачивать свернутую палатку. «Где же карабин? Максим сказал, что оставил его здесь. А, вот он!» Новенькая укороченная эсвэдэшка с оптическим прицелом так и просилась в руки. «Давно я не обнимал такую красавицу. Эх, боевая молодость, – вспомнил Уваров о быстро ушедших в никуда молодых годах. – Война – фигня! Главное – маневры! Ничего! Мы еще повоюем! Есть еще порох в пороховницах! – настроил себя на боевой лад Олег. – Так! Вот РД, а вот и патроны с запасной обоймой. Будем жить! Врешь! Нас голыми руками не возьмешь!» Сняв карабин с предохранителя и дослав патрон в патронник, снова поставив карабин на предохранитель, Уваров рассовал по карманам патроны и вторую обойму. Затем, повесив карабин на плечо, завернул все вещи в палатку и засунул ее на заднее сиденье уазика. Наломал несколько больших веток с росших рядом деревьев, замаскировал автомобиль. «Да, старость не радость», – констатировал он, тяжело дыша. Немного передохнув и выпив маленькими глотками из пластиковой бутылки холодной воды, Олег решил идти в ту же сторону, что и незнакомцы, уведшие его друзей, но только параллельным курсом. Не хватало еще встретить других таких же пришибленных.

Взяв карабин в руки и протерев оптику, Уваров через прицел осмотрел местность. Справа, слева и сзади был густой лес. Такой же, как и вчера. Только листья на деревьях и кустах, а также трава на земле потеряли свою былую свежесть, свернулись и потемнели от холода. Перед ним было озеро, покрытое плотным белым облаком, поднимавшимся на десятиметровую высоту.

– Еханный бабай! – воскликнул Олег, переместив карабин выше края облачности. Над облаком и верхушками деревьев на том берегу озера возвышались горы. Настоящие горы! Без шуток! «Умереть, не встать!»

Горы были очень похожи на те, которые он видел больше двадцати лет назад в Афганистане. Они были довольно далеко, но хорошая оптика приближала их. Высокие, острые, каменистые, серо-коричневые, с минимально видимой растительностью и большими снежными шапками, за которые цеплялись облака. Над горами было только хмурое небо, постепенно переходящее в темный космос с мерцающими звездами.

Судя по расположению снежного покрова на вершинах и чистой от снега поверхности скал, озеро находилось на большой высоте.

«Ничего себе, сказал я себе! Нас и занесло! К черту на кулички! – подумал Олег и сел на корточки, откинувшись спиной на колесо уазика и поставив карабин между ног. – Бывает же такое! А я думал, что только в книжках такую фантастику пишут».

Олег вспомнил, как примерно полгода назад он, от нечего делать, уходя в отпуск, взял почитать несколько книг у одного из своих сотрудников. Какое-то произведение оказалось из серии альтернативной истории: «наши – там». В нем рассказывалось о том, как наш современник случайно переместился во времена Великой Отечественной войны. Стал супер-пупер-разведчиком и диверсантом, дошел до самого Сталина с Берией, в общем, чуть ли не в одиночку выиграл войну. Особенно рассмешили Олега сверхспособности героя, которые придал ему автор. Пройдя не одну боевую операцию и участвуя в нескольких локальных конфликтах, Олег хорошо знал, кто и чего стоит, на что способен хорошо подготовленный человек. Но таких геройств, как было описано в книге, в реальной жизни никто не совершал. Все люди смертны, их физические возможности не безграничны, все подвластно ошибкам, усталости, голоду, холоду и нервным срывам. В общем, не бездушные машины, а живые люди, из крови и плоти, с комком нервов. Но ближе к теме. Книжки – это, конечно, хорошо. Но как объяснить ситуацию, в которую попали они с друзьями? Это что-то из мира фантастики. Такого не бывает! Ну просто не может быть! Наверное, они перенеслись в какой-то параллельный мир. Пропадают ведь люди в его реальности, и их никто не может найти. А вдруг это просто сон, обыкновенный сон? Перебрали с вечера настойки Баюлиса, вот «галюники» и пришли. Олег пару раз ударил себя ладонями по щекам и сдвигал ногтями мочки ушей. Больно! Значит, это все же не сон, а реальность?! Ну ни хрена себе реальность! Что теперь делать и как выбираться из этого дерьма?!

Немного посидев и растерянно посмотрев по сторонам, Уваров медленно поднялся. Снова выпил воды. Во рту был хороший сушняк. Теперь уже ясно, что это не от перепоя. Горы, мать их! Олег вспомнил, как на заре своей службы, будучи еще в учебке, их старшина роты прапорщик Долманчук, любитель народной мудрости, тренируя роту по северокавказским горам и подгоняя сапогом под зад отстающих, приговаривал суворовское: «Тяжело в ученье – легко в бою, лучше пот проливать, чем сдуру кровь свою». Также одной из его любимых поговорок была: «Не знаешь, как поступать, поступай по интуиции. Бог не выдаст, свинья не съест».

Вспомнив армейскую молодость, Олег усмехнулся. А ведь интуиция верно ему подсказала, что делать. Надо идти за незнакомцами, а там разберемся. Главное, сопли не развешивать на деревья.

Уваров вытащил из машины РД, укомплектовал его оставшейся пищей, бутылкой с водой и надел на спину. Еще раз проверил патроны в карманах, ход ножа из ножен, попрыгал на месте, нет ли ненужного звука, и, взяв в руки карабин, направился в лес, куда увели его друзья.

Над горами начинало подниматься солнце.

Вскоре впереди послышался узнаваемый шум присутствия человека. Осторожно приблизившись, Олег лег на землю и через оптику попытался рассмотреть источник этого шума. Ему удалось увидеть в просвет между густо растущими кустами и деревьями самодельный шлагбаум из бревна с двумя крестовинами и раритетные автомобили советского производства. Один из них был похож на полуторку ГАЗ-АА. «Вон полугусеничный бронетранспортер с черным крестом на борту. Похож на немецкий времен Второй мировой войны, – подумал Уваров. Между автомобилями и деревьями стояли подводы, повозки. Всюду ходили люди. Большинство мужчин были одеты в советскую довоенную форму, многие были с оружием того времени. Также Олег заметил, что в лагере находятся женщины и дети. – Что тут, кино снимают или реконструкторы в войнушку поиграть решили? – задавал он себе вопросы. – А где же мои ребята?» С этого места было плохо видно, и он отважился подойти поближе, но с другой стороны.

Пробираясь через густую поросль, Уваров обогнул лагерь с левой стороны и затаился в кустах буквально в пятидесяти метрах от маскировочной сетки. Рядом оказалось большое дерево с низко растущими толстыми сучьями. «Давно я не играл в «кукушек». Надо наверх залезть, там обзор лучше». Сказано – сделано. Надев ремень карабина на шею, Олег потихоньку начал взбираться на дерево. Поднявшись на высоту чуть больше четырех метров, он увидел почти всю стоянку.

Он не ошибся в своей версии. Увиденное им действительно напоминало военный лагерь начала Великой Отечественной войны. В прореженном лесу по кругу стояли советские автомобили ЗИС-5 и даже один немецкий «опель-блиц». Рядом дымилась полевая кухня на колесах. Возле нее расположились трое мужчин в красноармейской форме и женщина, одетая как монашка. На расстеленном возле кухни брезенте сидело около двух десятков детей различного возраста, укутанные в одеяла и солдатские шинели, они медленно ели из мисок.

Немного дальше Олег рассмотрел что-то вроде полевого госпиталя. Туда сносили раненых. Через бинты проступали кровавые пятна. За ранеными ухаживали две молоденькие санитарки. Недалеко от госпиталя на земле лежало несколько тел, прикрытых брезентом. «Что-то непохоже, что им тут мирно живется. Даже раненые и трупы имеются. Куда мы попали? Надо срочно брать «языка».

Из лагеря доносились голоса, и все на его родном, русском языке: звучали военные команды, кто-то просил о помощи. Был слышен женский и детский плач, где-то в стороне мычали коровы, ржали лошади и блеяли козы. По лагерю пробежало несколько собак. «А вот это не мои друзья. От собак надо держаться подальше, а то шум поднимут». По кругу горели костры, возле огня грелись люди, одетые в военную и гражданскую одежду.

В центре лагеря стояли двое мужчин в новых шинелях без погон. Вернее, один из них, постарше возрастом, не стоял, а сидел на подводе. Левая нога у него была забинтована. Судя по тому, что перед ними все вставали по стойке «смирно» и что-то докладывали, это были командиры. «Вот они-то мне все и расскажут», – подумал Олег.

Наконец-то Уваров увидел то, что хотел. К командирам под конвоем подвели его друзья со связанными за спиной руками. К группе присоединились еще трое, по-видимому, тоже командиры. Один из них был в зеленой, как у пограничников, фуражке, другой в пилотке, третий – в обычной армейской фуражке и со звездой на рукаве. Все они были вооружены советскими и немецкими автоматами. Олег поднял карабин и через прицел начал разглядыв-

вать людей, допрашивающих Николая, Максима и Яниса. Что они говорили, услышать было невозможно – далеко, да и общий шум лагеря мешал. Уваров решил, что если возникнет угроза жизни его друзей, то он будет стрелять врага на поражение и сразу всех. Лучше одним махом обезглавить противника, остальные сами разбегутся. «Без пастуха и овцы не стадо», – говаривал когда-то прапорщик Долманчук.

Вдруг с противоположного, невидимого из-за тумана берега озера раздалось несколько выстрелов. Сначала три пистолетных, а затем четыре или пять винтовочных. Спутать эти выстрелы с чем-то другим Олег не мог, сколько за свою жизнь он наслушался подобных звуков...

Глава 4

Андрей пришел в себя. Что случилось? Что произошло? Он ничего не мог понять. Все тело болело и ныло, голова кружилась и сильно болела, во рту ощущалась сухость, хотелось пить. Немного тошнило. Тяжело было дышать, ощущался недостаток кислорода. Стало очень холодно.

Кругом было светло, но в то же время ничего не было видно.словно все в белом тумане.

– Есть кто живой? Отзовитесь! – крикнул в белую пелену Григоров. Рядом с собой он нащупал свой трофейный автомат и взял его в руки. – Левченко! Тишко! Где вы?

– Здесь мы, лейтенант, здесь. Не кричи так, а то горло заболит, – раздался из тумана голос Левченко. – Подползай к нам, командир, мы сзади тебя сидим. Да шинельку не забудь, а то на дворе не май месяц.

Андрей, подхватив свою шинель, которой укрывался, и автомат, пополз на коленях на голос Левченко. Возле Григория Васильевича со всех сторон, прижавшись друг к другу, лежали и сидели бойцы его взвода. Все были в шинелях, на головах – пилотки с отвернутыми краями, натянутыми на уши. Недалеко от Тишко примостился Ганс Штольке.

– Давайте, товарищ лейтенант, к нам. Вместе теплее. Хотите водички испить? – протянул ему флягу с водой один из бойцов.

– Спасибо. Действительно что-то в горле пересохло. Состояние такое, как будто после перепоя. – Сделав несколько больших глотков из фляги, Григоров обратился к Левченко: – А девушка где? И вообще, что случилось, я ничего пока не понимаю?

– За Оксанку не беспокойся, лейтенант. Вон она, между бойцами спит. Плохо ей было, сознание потеряла. Мы ее из железного ящика и вытащили. Это наш немец расстарался. Молодец, Ганс, сам погибай, а переводчика выручай! – проговорил Левченко. Услышав свое имя, Штольке закивал и улыбнулся. Взяв флягу и сделав несколько глотков, старший сержант продолжил: – Сами ничего не понимаем, лейтенант. Ночью все гремело, светилось, озеро будто на дыбы встало. Землетрясение настоящее. Потом все отключились. Я сам очнулся как после дикой пьянки. Вот сейчас сидим и ждем, что дальше будет. Но мы здесь не одни. Кругом наши. Подходил начальник связи старший лейтенант Дулевич, передал приказ комполка: всем сидеть на месте, пока туман не сойдет. Так что ждем. Но предчувствия у меня нехорошие. Что-то плохое произошло.

Андрей прислушался. Откуда-то из тумана раздавались голоса других красноармейцев, был слышен детский плач, рыдала женщина. Немного в стороне испуганно ржали лошади и тоскливо мычали коровы. Вдруг из белой пелены к ним выбежала небольшая рыжая собачонка с короткой шерстью и таким же коротким хвостиком. Сначала, испугавшись, она отпрыгнула в сторону, но потом подошла и села в ногах у Левченко.

– Ну, Григорий Васильевич, ты как тот Ной из ковчега, к тебе всякая животинка за спасением тянется, – пошутил кто-то из бойцов.

– Это я с виду такой грозный, а в душе я добрый, – произнес в ответ старший сержант. – Но в душу мне не плюй, а то обижусь. Тогда тебе плохо будет.

– Товарищ старший сержант, а это кобелек. Давайте его к себе возьмем и Ноем назовем, а? – предложил какой-то молодой красноармеец.

Левченко нагнулся к собачонке и почесал за ухом. Пес как будто бы ждал ласки, он вывернул голову и лизнул руку человека.

– Ну если товарищ лейтенант не возражает, тогда зачисляем Ноя в штат нашей батареи. Будет нас охранять. Правда, Ной? – в шутку обратился к собаке Левченко. Пес, словно поняв его, радостно тявкнул.

– Как же я могу возражать против такой просьбы? – усмехнулся Григоров и тоже погладил собаку. Кто-то из бойцов протянул песику сухарик, и тот моментально исчез в собачьей пасти. Видно было, что пес давно не ел. Теперь каждый старался приласкать или чем-то угостить понравившегося всем веселого зверя, радостно повизгивавшего и отвечавшего на ласку людей. Похоже, что раньше он был домашним и любил человеческое окружение.

Так, занятые собакой, люди Григорова не заметили, как пролетело время и туман начал рассеиваться.

К ним подбежал красноармеец и передал приказ Климовича всем командирам срочно прибыть к нему.

– Григорий Васильевич, проверьте людей и орудия. Пусть Ганс бронетранспортер осмолит. Да, и пошлите человека к Емельянову, как там у них. Я скоро буду, – распорядился Андрей и, накинуд шинель, направился к центру лагеря.

Когда возле подводы командира полка собрался весь командный состав, Климович объявил:

– Тяжелая ночь досталась нам, товарищи командиры. Никто ничего толком не знает. Я думаю, что мы оказались в центре непонятого пока природного явления, похожего на землетрясение. К несчастью, у нас уже есть потери. Погибли несколько красноармейцев и гражданские. Животным тоже досталось. Кроме того, резко изменилась погода, что негативным образом повлияло на здоровье. Поэтому приказываю. Начальнику штаба совместно с командирами подразделений составить полный список личного состава, даже если человек не из нашего полка, включить в него всех военнослужащих. Также переписать всех гражданских, от старых до малых, мужчин, женщин и детей. Мы должны точно знать, сколько у нас людей. Запас продуктов у нас небольшой, а когда мы сможем его пополнить, один Бог знает. Кроме того, Игорь Саввич, совместно с начальником склада возьмите на учет всех лошадей, независимо от того, чьи они, а также другую живность. Их надо тоже чем-то кормить. Старший лейтенант Дулевич. Сергей Олегович, попытайтесь установить радиосвязь со штабом дивизии или какой-либо другой частью наших войск. Организуйте прослушивание эфира. У Григорова, я слышал, переводчица есть, подключите и ее. Если есть немцы в эфире, пускай она послушает. Коваленко совместно с Григоровым, проверить исправность техники, орудий и минометов, а также личного оружия. Пересчитайте весь боезапас, в том числе и тот, что есть на складе. Бажин и Попов, на вас возлагается ответственность по охране лагеря и разведке прилегающей территории. Выставьте секреты вокруг стоянки и создайте усиленную дежурную группу. Жидков, у вас другая задача. Моральное состояние людей. Не вздумайте кого-то пугать. Спокойно и тактично объясняйте людям, что командование контролирует ситуацию и примет верное решение. Организуйте с начальником склада всем прием пищи и теплую одежду. Уважаемый Никита Савельевич, прошу вас выдать все ваши запасы теплой одежды и одеял, все, что можно сейчас надеть людям. Мы выпишем вам все необходимые документы. Похороните погибших. Я здесь видел священника, привлечите и его тоже.

– Товарищ подполковник, – возмутился Жидков, – как вы это себе представляете? Мы, коммунисты и комсомолцы, будем совершать чуждый нам поповский обряд! Это антисоветчиной пахнет. Вы слишком много на себя берете! Вот и товарищ Синяков может доложить куда следует. Без попа что без соли, получается?

Все стоявшие рядом увидели, как у Климовича сжались кулаки и желваками заходили скулы, но это была секундная вспышка гнева. Командир взял себя в руки и спокойно произнес:

– Уважаемый товарищ политрук, никакой антисоветчины здесь нет. Не все погибшие были коммунистами и комсомольцами. Многие из живых – православные и еще не утратили веру в Бога. Это первое. Второе. Что случилось и где мы сейчас находимся, никто толком не знает. Когда люди увидят, что власть, то есть мы с вами, объединилась с церковью, то

поверят нам и пойдут за нами. Нам здесь не нужен стихийный бунт. И последнее. Пока здесь я командир полка, а полк еще существует, то вы все обязаны исполнять мои приказы. Я за все несу ответственность. Перед партией и лично товарищем Сталиным. Вам ясно?

– Так точно, товарищ подполковник, ясно, – ответил Жидков, при этом кинул взгляд в сторону особиста Синякова, но, не почувствовав с его стороны поддержки, опустил голову.

– Если всем все ясно, выполняйте приказ, – закончил Климович. Когда все разошлись, он подозвал красноармейца, своего ординарца, постоянно дежурившего возле него. – Ваня, позови-ка мне санитаря, пускай перевязку сделает, а то опять нога кровоточит.

При подчиненных Климович держал себя спокойно и невозмутимо. Люди должны видеть уверенность своего командира, верить в его знание обстановки и умение руководить в любой ситуации. Если не будет веры в командира, начнется хаос, а это смерть для всех. Это было на людях, но сейчас, когда остался один, Алексей стал простым человеком, подверженным сомнениям и тревогам, даже страху. Нет. Страху не за себя, а за тех людей, которые доверили ему самое дорогое, что у них было, – свою жизнь. Справится ли он, оправдает ли их доверие? К душевным переживаниям добавилась еще и физическая боль. Контузия и раненая нога. Он помнил только, что рядом разорвался снаряд, пущенный из немецкого танка. Дальше были темнота и тишина. Когда очнулся, увидел, что осколок разорвал галифе и разрезал мышцы левого бедра, не зацепив кость. Мышцы разошлись, их необходимо было сшить, но это мог сделать только квалифицированный врач. Оставшиеся в распоряжении Климовича санитары этого не умели. Нога сочилась кровью. Приходилось накладывать жгут и периодически делать перевязку. От потери крови кружилась голова и не было сил. «И за что мне такое наказание Господь придумал? Я ведь простой человек, а не герой. Что теперь делать, как быть дальше?» – думал Алексей.

После перевязки к командиру подошел Бондарев.

– Разрешите доложить, Алексей Аркадьевич. Составили список всех военнослужащих. Вместе с командирами всего сто сорок семь человек. Из них двадцать четыре раненых, четверо тяжелых, могут до следующего утра не дожить. За ночь погибло трое красноармейцев и четверо гражданских, из них одна женщина и ребенок. Привалило деревьями, и животные побили. Гражданских – шестьдесят один человек. Двадцать один ребенок, двадцать девять женщин, из них одна беременная, и одиннадцать мужчин. Всего двести восемь человек. Три десятка лошадей, четыре коровы с тремя телятами и один бычок. Три козы. И даже с козлом, – усмехнулся Бондарев. – Зачем было козла тянуть, непонятно. У его хозяина спросил, да тот сам толком не знает. Говорит, что привык к нему, жалко бросить немцам. С десяток кур есть с петухом. У одного хозяина на подводе даже трое поросят имеется. Ну собак я и не считал. Их штук пять или шесть здесь бегают. Ночью погибли две лошади и корова, ноги переломали и хребет. Пришлось дорезать на мясо. Начальник склада доложил, что на такое количество людей продуктов хватит максимум дней на восемь – десять, если экономить, конечно. Животных, кроме подножного корма, кормить нечем. Но травы пока хватает. Оружие и боеприпасы еще пересчитывают. С этим проблем нет. Есть наше и немецкое, что Попов захватил. Хватит на всех с лихвой. Пять ящиков с гранатами. Даже снаряды к нашим пушкам и мины на складе нашлись. Есть четыре ящика с взрывчаткой. Но взрывателей почему-то нет. Также на складе есть около двух с половиной тонн бензина и бочка с машинным маслом. Несколько бухт телефонного кабеля и четыре телефонных аппарата, запасные батареи к радиостанциям. Нашли несколько ящиков с гвоздями и железными скобами. Запас одеял раздали весь. Немного шинелей и другой формы осталось. Раздетых нет. Каски и противогазы имеются. Амуниция разная. Нашли немного медикаментов. Но наши санитары, кроме как повязки накладывать, толком мало что умеют. Сейчас бойцы копают могилы для погибших. Священник согласился участвовать в похоронах. Тут дедок один хочет с вами пообщаться. Говорит, учитель он. Кстати, хозяин козла.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.